

Международная научная конференция

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (II)

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1
А43

Редакционная коллегия сборника:

*М.Н. Ахметова, Ю.В. Иванова, К.С. Лактионов, М.Г. Комогорцев,
В.В. Ахметова, В.С. Брезгин, А.В. Котляров, А.С. Яхина, М.О. Насимов*

Ответственный редактор: *Г.А. Кайнова*

Актуальные вопросы филологических наук (II): материалы ме-
А43 ждунар. науч. конф. (г. Чита, июль 2013 г.). — Чита: Издательство
Молодой ученый, 2013. — iv, 92 с.

ISBN 978-5-905483-13-4

В сборнике представлены материалы международной заочной научной конференции «Актуальные вопросы филологических наук (II)».

Рассматриваются общие вопросы литературоведения, вопросы истории литературы, народного творчества, художественной литературы, а также проблемы общего и прикладного языкознания и массовой коммуникации.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов филологических специальностей, а также для широкого круга читателей.

**УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1**

СОДЕРЖАНИЕ

2. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтина А.А.

Автобиография А.Т. Болотова в контексте русской мемуарной литературы XVIII в. 1

Мальшева М.С.

Духовный мир лирического героя стихотворений И.А. Бродского и И.А. Чернухина 8

Сафаров О.М.

Historical artistic truth suggestibility 15

Старченко Г.Н.

Реальное и вымышленное в романе Всеволода Иванова «Похождения факира» 19

3. НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Писаренко А.В.

Лингвокультурные формулы с качественным значением ядра в древнегерманском мифологическом дискурсе 25

4. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бульчева В.П.

Структурно-композиционные особенности детективного жанра 32

Павлова Д.Д.

Лексико-семантическое поле концепта «Бог» и языковые средства его реализации в романе Р.А. Анайи «Благослови, Ультима!» 39

5. ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Гурикова Ю.С.

Синтаксически связанная конструкция английского языка «sit [stand, lie] + and + V»: структурный и семантический аспекты 45

Калажокова Р.З. Национальный язык в русскоязычной прессе (на примере газет КБР)	52
Крючкова Ю.М. Фразеосемантическое поле «радость» в английском языке	59
Никифорова О.О. Речевые особенности жанра интервью (на примере анализа интервью с министром образования Германии Йоганной Ванкой)	64
Плотникова А.В. Функциональная классификация повторной номинации.	74
6. МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ	
Слонова Р.Э. Типология вставных конструкций в современных СМИ	79
7. ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ	
Жук Н.В., Тузова М.К. Через русскую поэзию к миру.	85

2. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Автобиография А.Т. Болотова в контексте русской мемуарной литературы XVIII в.

Бахтина Алена Андреевна, аспирант

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

Возникновение автобиографического жанра в России связывается с особенностями послепетровской эпохи и просветительской деятельностью Екатерины II. Первые образцы автобиографической литературы еще следовали канонам летописи; позже сухая хроника превратилась в «документ о себе». Мемуары XVIII века (исследователи говорят о 41 произведении автобиографического характера, что свидетельствует о популярности жанра) были ориентированы исключительно на семью и потомков. Публичное издание и тиражирование произведения было не принято и неизменно осуждалось. Резкое неприятие публичного разговора о себе было в некоторой степени связано с нормами христианской морали. Так, Ю. Зарецкий отмечает, что «прямая соотнесенность «разговора о самом себе» с грехом, обозначенная Фомой (теолог утверждал, что «порочен тот...кто без достаточных оснований себя восхваляет, а также и с оными; порочен также тот, кто прегрешения свои выставляет напоказ, словно похваляясь ими...» [1, с. 186]), и его формула запретности такого разговора при некоторых возможных исключениях достаточно определенно выражают отношение к автобиографизму средневековой культуры» [1, с. 187]. Первыми и единственными на тот момент читателями выступали ближайшие родственники автора. Появление автобиографий этого периода оправдывалось мемуаристами, в первую очередь, желанием принести пользу отечеству и нацеленностью на воспитание подрастающего поколения, поэтому произведения предназначались для детей, внуков и т.д. Потомки должны были не только сохранить письменную историю своего рода, но и постараться построить свою жизнь по представленному образцу.

Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833 гг.) оставил потомкам после себя много ценных сведений, однако главным трудом его жизни являются Записки под названием «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков». Детство и отрочество Андрея Тимофеевича типичны для дворянских детей XVIII века: Болотов родился в семье офицера и по существующей традиции был сразу зачислен в полк. Отметим, что с самого детства в его характере преобладали две ярко выраженные черты: любознательность и крайняя осторожность. Благодаря природной тяге к знаниям, Болотов почти самостоятельно проучился в пансионе. Однако, учение урывками не устраивало Болотова: он начинает читать и переводить немецкие и французские книги (энциклопедические, экономические, а также популярные тогда романы), все, которые только мог приобрести. Позже А. Т. Болотов приохотился к книгам по садоводству и т. п. Осторожность уберегла его от участия в государственном перевороте, куда пытался вовлечь Болотова его давний знакомый по армейской службе Григорий Орлов, и от членства в масонской ложе Н. И. Новикова. В своей деревенской жизни А. Т. Болотов также избегал конфликтов, но своего не упускал, достаточно обратиться к описанию межевых споров с соседями-помещиками. После выхода в отставку Болотов переезжает в свое имение Дворяниново и начинает заниматься сельским хозяйством. Ощущая потребность поделиться накопленными в процессе работы знаниями и не удовлетворяясь перепиской с Вольным экономическим обществом, Болотов начинает издавать собственный журнал — «Сельский житель», позже, вместе с Н. И. Новиковым (Болотов при этом выступал в качестве автора статей, переводчика, иногда даже переписывал материалы набело; Новиков же взял на себя все издательские обязанности), — «Экономический магазин». В свободное от основной работы время Болотов занимается возведением пейзажного парка в Богородицке, куда он был назначен управляющим. Также Болотов активно переводит произведения зарубежной литературы; им были написаны пьесы для домашнего театра, пользовавшиеся популярностью у местных жителей, а также загадки для детей, нравоучительные сочинения («Чувствования христианина, при начале и конце каждого дня в неделе, относящиеся к самому себе и к Богу», «Путеводитель к истинному человеческому счастью», «Детская философия» и др.).

Исследователи отмечают, что авторитет художественной литературы в XVIII веке был еще невысок. Писательство в качестве профессии еще не сложилось, и занятие литературным творчеством продолжало восприниматься с предубеждением некоторыми людьми «старой закалки». Писательство «для

себя», в отличие от публичного выступления с произведением, не осуждалось, однако одним из главных критериев оценки значимости художественного произведения и оправданием появления в печати была степень его общественной полезности: «Как только произведение выходит в свет, к нему начинают предъявляться общие для эпохи требования. В условиях, когда литературная деятельность являлась монополией государства, естественно, таким критерием стала государственная, общественная полезность» [2, с. 106]. Мемуарная литература не была исключением. Поскольку появление записок в печати в XVIII веке было явлением довольно редким, то, как отмечает А. Г. Тартаковский, авторы ощущали необходимость объяснить столь смелый поступок. Обычно стремление поделиться воспоминаниями оправдывалось авторами либо непосредственной полезностью, либо назидательными достоинствами произведения. Таким образом, записки выполняли чисто утилитарную функцию — помочь воспитать достойного человека, предоставив образец жизнестроительства. Поскольку возникновение мемуарной литературы связывается с эпохой Нового времени и осознанием человеком собственной индивидуальности, то желание оставить о себе память становится вполне естественным и вписывается в новое мироощущение. Необходимость осознать свое место в историческом процессе осознавалась как долг перед родом: отсюда такое пристальное внимание к семейной хронике (сожаление из-за отсутствия необходимых сведений, подробное описание собственной жизни как с бытовой, так и с общественной стороны). В любом случае, записки служили своеобразным памятником их автору наряду с фамильными реликвиями, портретными галереями и т. п. и определяли его роль в исторической эпохе [3].

А. Т. Болотов известен не только как аграрий-новатор, но и как автор наиболее обширных мемуаров XVIII века, что позволяет ученым видеть в них ценное историческое свидетельство. Их фактическая сторона, безусловно, интересна, однако Болотов больше внимания уделяет не сухой констатации фактов, а собственным размышлениям и переживаниям. Таким образом, на первый план в Записках выступает личность автора в ее взаимодействии с обществом.

Отсутствие фикции является одним из ключевых требований при написании мемуаров, и мемуаристы XVIII века (в XIX веке необходимость подобного объяснения перестала осознаваться автором. Обратим внимание на литературную ситуацию в России XVIII века: переводные «галантные» и «плутовские» романы были чрезвычайно популярны и в немалой степени влияли на модели поведения в обществе. Часто герои были представителями среднего сословия, что позволяло читателю отождествлять себя с ними. От-

сюда — интерес к частной жизни, которая тоже может быть наполнена разнообразными «приключениями») обычно акцентируют на этом внимание: «Намерение мое состоит в том, чтоб писать сущую правду для собственного в настоящее и будущее время приведения на память прошедших моих лет приключений; писать так, как пишутся дневные записки. Следовательно писать небывлицы или выдумки было б тож самое, чтоб обманывать самого себя» [4, с. 3]. Подобное объяснение можно встретить и у А. Т. Болотова: «...мне не достанется другого делать, как пересказывать вам только то, что действительно со мной случилось и вы сами того верно не похотели б, чтоб я для украшения моего сочинения, или для придания ему более приятности стал выдумывать небывлицы, или затевать и прибавлять что-нибудь лишнее к бывшим действительно приключениям» [5, с. 4]. Установка на правдоподобность позволяла поставить мемуарную литературу в один ряд с документом: «Если бы я историю мою наполнил важнейшими и достойнейшими любопытства описаниями, то не имела бы она исторической истинности» [4, с. 65]. Поскольку мемуарная литература рассматривается исследователями в качестве одного из видов исторического свидетельства, хотя ее ценность периодически подвергается сомнениям, (подробнее: [6, с. 231–243]), то возникает вопрос о степени превалирования субъективного начала в авторской оценке «вспоминаемых» событий. И. О. Шайтанов, например, так определяет специфику мемуаров: «Мы ожидаем от мемуаров фактической точности, но факт — это не только дата, событие, но и впечатление. Быть может, именно впечатление есть суверенная область мемуаров — наиболее личного документа эпохи» [7]. Подобное определение вполне подходит к Запискам А. Т. Болотова. Его воспоминания, как и большая часть мемуарной литературы XVIII века, изначально не были предназначены для печати; по существующей традиции их аудитория ограничивалась рамками рода: «...писал сие...для удовольствования любопытства моих детей, и тех из моих родственников и будущих потомков, которые похотят обо мне иметь сведение...» [5, с. 2]. А. Г. Тартаковский отмечает, что «общественно-современное назначение мемуаров представлялось неприемлемым прежде всего с точки зрения принятой тогда системы культурных ценностей, будучи глубоко чуждым нормам этики и литературного поведения XVIII в». [8, с. 95]. Болотов, пенявший своим предкам за нерадивость, ответственно подошел к написанию воспоминаний: их базу составили дневниковые записи, которые он вел всю свою жизнь, что исключает сомнения в достоверности изложенных событий (поскольку ведение дневника предполагает максимальную честность автора наедине с самим собой). Позднее — в 1789—

1816 гг. — дневники были переработаны в Записки (по Запискам Болотова выходит, что писать мемуары он начал немного раньше: «Между тем, достопамятно, что в первых числах сего месяца получил я охоту описать всю мою жизнь, наипаче начать продолжать давно уже учиненное том начало, к которому делу и приступил я 7-го числа сего месяца» [9, с. 198]. Таким образом, начало Запискам было положено 7 декабря 1787 года по старому стилю. По Запискам можно также установить, что к январю 1789 г. у Болотова были написаны первые 2 тома, при этом первый, сгоревший на пожаре, Болотов намеревался написать заново; 8 декабря 1789 г. была закончена и третья часть, написанная по уверениям автора, за 13 дней. О впечатлениях от книги Болотов пишет воображаемому «приятелю»: «Книжки будут прекрасны! Настасья только и говорит, что не только-де нам, но и иным любопытны. Я пишу их прямо на-бело на самой белой бумаге и украшаю начальныя слова каждого письма, вместо виньеток, рисуночками пером-тушью, имеющими отношение к материям, в письме содержащимся» [9, с. 696]. Тезис Тартаковского о том, что в любом произведении мемуарного жанра изначально присутствует ориентация на публику, подтверждается словами Болотова). Необходимо помнить о том, что Записки писались Болотовым довольно длительное время (около 27 лет) и целенаправленно были оформлены по определенной системе. Обратим внимание на выдержанность единого стиля на протяжении всех частей мемуаров, тщательно продуманную структуру (Болотов оформил свои воспоминания в виде «писем» к некоему вымышленному приятелю, что оправдывало доверительный тон повествования. По мнению М. А. Крючковой, письмо «позволяло передать естественный ход событий, внести в повествование момент субъективности восприятия времени, разбить информацию на некие цельные блоки. Форма письма в данном случае оказалась более адекватной задачам мемуарного творчества, способствовала освобождению мемуаристики от традиций летописного жанра» [3, с. 25]). Вот как описывает процесс работы Болотова над своими мемуарами А. Г. Тартаковский: «По мере подготовки на основе чернового дневника отдельных частей своей «Жизни» он давал читать их детям, но при этом некоторые чересчур откровенные описания темных сторон быта, неблагоприятные, по его мнению, в воспитательном смысле, намеренно не переносил из дневника в беловой текст воспоминаний или всячески их смягчал и приукрашивал» [8, с. 83]. Черновые записи неоднократно переписывались набело самим автором; впоследствии сын А. Т. Болотова, Павел, украсил их рядом рисунков и виньеток. Всего рукопись составила 29 томов. О скрупулезности «отделки» мемуарного текста Болотовым писал еще М. Се-

мевский в предисловии к изданию Записок в «Русской старине»: «Почерк его четок, ясен, красив, — на каждой странице одинаковое число строк, чуть не одинаковое число букв...» [11, с. V] и т. д.

Записки преследовали двоякую цель: с одной стороны, как и было заявлено в предисловии, — Болотов хотел оставить о себе память (стремление к увековечиванию (будь то создание памятников, фамильных галерей или просто хранение памятной вещи) вообще было характерно для XVIII века. М. А. Крюкова связывает это с особым восприятием времени, которое «нужно укротить, вывести из текучего состояния, опредметить» [3, с. 18]) потомкам (мемориальная функция); с другой стороны — Записки должны были послужить образцом жизнестроительства (дидактическая функция). Болотов, добившийся признания и уважения благодаря своим обширным знаниям, имел все основания полагать, что он мог послужить примером для подражания. В целом, дидактическая направленность литературы была характерна для XVIII века: В. П. Степанов отмечает такие пользовавшиеся популярностью среди читателей произведения, как ««Письма» госпожи Ламбер; приписывавшаяся Фенелону и переведенная В. К. Тредиаковским «Истинная политика...», «Совершенное воспитание...» аббата Бельгарда в переводе С. С. Волчкова» [2, с. 109]. Также нельзя не отметить влияние идей Ж.-Ж. Руссо и педагогической деятельности И. И. Бецкого.

Записки А. Т. Болотова неоднократно издавались на протяжении XIX—XX вв. С некоторыми отрывками из мемуаров впервые познакомил читателя журнал «Сын отечества» (1839 г.). Однако представленные выдержки из автобиографии не отражали всех особенностей Записок, личности автора не было «видно». Несколько позднее (1850—1851 гг.) к мемуарам Болотова обратились «Отечественные записки», а потом (1858 г, 1860 г.) «Библиотека для чтения». Этими журналами было издано около 1/5 всей автобиографии А. Т. Болотова. Единственной успешной публикацией мемуаров можно назвать издание М. Семевского (1870—1873 гг.) — здесь представлен полный текст воспоминаний с минимальными правками, не искажающими общую картину. В XX веке издатели снова обращаются к мемуаристике Болотова (издательство Academia в 1931 г., издательство «Современник», 1986 г., издательство «Тerra», 1993 г. и ряд других). Отметим, что Записки Болотова интересовали издателей и исследователей преимущественно с исторической точки зрения и не рассматривались в качестве полноценного художественного произведения. В настоящее время также нет полного переиздания мемуаров Болотова с необходимыми комментариями. Творческое наследие А. Т. Боло-

това огромно (С. Венгеров насчитывает 350 томов) и нуждается в систематизации и глубоком изучении не только историками, но и литературоведами, поскольку язык мемуарного произведения Болотова разительно отличается от языка художественной литературы XVIII века.

Литература:

1. Зарецкий Ю. П. Смертный грех гордыни и ренессансная автобиография // Средние века. 1992. Вып. 55. С. 185–194.
2. Степанов В. П. К вопросу о репутации литературы в середине XVIII в. В кн.: XVIII век. Сборник 14. Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л.: «Наука», 1983. С. 105–120.
3. Крючкова М. А. Русская мемуаристика второй половины XVIII в. как социокультурное явление. Вестн. моск. ун-та. Сер. 8, История. 1994. № 1. С. 17–28.
4. Добрынин Г. И. Истинное повествование или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и в Витебске. 1752–1823. В трех частях. Санкт-Петербург. Печатня В. И. Головина, 1872. 380 с.
5. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. Том первый. Части I–VII // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. Приложение. Санкт-Петербург: Печатня В. И. Головина, 1870. 1017 с.
6. Зарецкий Ю. П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.
7. Круглый стол: Мемуары на сломе эпох [Электронный ресурс] // Журнальный зал: сайт. — URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2000/1/krugly.html> (дата обращения 04.09.2012).
8. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. М.: Наука, 1991. 288 с.
9. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. Том четвертый. Части XXII–XXIX. Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева, 1873. 1330 с.
10. Крючкова М. А. Русская мемуаристика второй половины XVIII в. как социокультурное явление. Вестн. моск. ун-та. Сер. 8, История. 1994. № 1. С. 17–28.
11. Семевский М. И. Предисловие // В кн.: Записки Андрея Тимофеевича Болотова. Том первый. Части I–VII // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. Приложение. Санкт-Петербург: Печатня В. И. Головина, 1870. С. III–X.

Духовный мир лирического героя стихотворений И.А. Бродского и И.А. Чернухина

Малышева Мария Сергеевна, студент, исследователь
Белгородский государственный университет

Традиции древнерусской клерикальной литературы, складывавшиеся на протяжении семи веков, переосмыслились и получили новое развитие в поэтических текстах XX — начала XXI века. «Творческое обращение к Священным текстам как Ветхого, так и Нового Завета у русских поэтов никогда не прерывалось. Стихи на тему Евангельских страстей мы встречаем в предсмертных творениях Пушкина. Библейские мотивы постоянно звучат в стихах Лермонтова. Обращение к образам Христа и Марии характерно для Тютчева. В начале XX века русские поэты — как символисты, так и акмеисты — используют образы Священного писания в своих стихах» [5, www].

После русской революции 1917 года в отечественной литературе особенно ярко проявляется господство атеистической идеологии. И лишь во второй половине XX — начале XXI века в русском историко-литературном процессе наблюдается процесс возрождения духовной поэзии.

По определению Б.М. Соколова, «духовные стихи — эпические, лирико-эпические или чисто лирические песни религиозного содержания» [6, с. 610]. Прежде всего духовная тематика в лирике связана с образом святых, обращением к Богу, текстам Священного Писания.

Очень интересен лирический герой духовной лирики. Это может быть глубоко религиозный человек (так, часто к поэтическому творчеству обращаются священники и монахи) или же человек светский, находящийся в поиске нити, связывающей его с Богом.

Предметом исследования в данной статье стал духовный мир лирического героя поэзии И.А. Бродского и И.А. Чернухина. Оба поэта пришли к духовной тематике в лирике через страдания. В творчестве как И.А. Бродского, так и И.А. Чернухина представлены переживания лирического героя, размышления о жизни и смерти (это дает нам право говорить о традиции медитативной лирики, ведущей свое начало с творчества английского поэта Д. Донна), о мире и месте каждого из них в обществе. И.А. Бродский и И.А. Чернухин — поэты советского времени. Только если И.А. Бродский вступает в открытую полемику с советским режимом, то И.А. Чернухин, как и многие советские гра-

ждане той эпохи, был обвинен в студенческие годы по ложному доносу; его творчество не несло в себе открытого противостояния власти. Тем не менее, оба поэта подверглись гонениям и арестам. Эти испытания и стали началом их пути к Богу.

Путь И. А. Бродского к религиозной тематике в поэзии можно охарактеризовать как путь «через тернии к звездам». Одной из центральных тем его лирики стала тема одиночества. Поэт, вступивший в открытую полемику с официальной властью, противопоставил себя обществу, что, соответственно, повлекло за собой наказание: И. А. Бродский был отправлен ссылку. И именно в этот период жизни поэт приходит в своем творчестве к теме Бога. Начиная с 1960-х годов, И. А. Бродский создает ряд стихотворений на религиозную тематику. В них наблюдается эволюция от обращения к ветхозаветным сюжетам к перенесению библейских сказаний на современность. Большинство из этих стихотворений увидели свет уже после смерти поэта. О своих духовных поисках он рассказал журналисту В. Амурскому в интервью, которое было опубликовано в парижском журнале «Горизонт» (1990): «... в возрасте лет 24-х или 23-х, уже не помню точно, я впервые прочитал Ветхий и Новый Завет. И это на меня произвело, может быть, самое сильное впечатление в жизни. <...> я сначала прочитал Бхагавад-гиту, Махабхарату, и уже после мне попала в руки Библия. Разумеется, я понял, что метафизические горизонты, предлагаемые христианством, менее значительны, чем те, которые предлагаются индуизмом. Но я совершил свой выбор в сторону идеалов христианства, если угодно... Я бы, надо сказать, почаще употреблял выражение иудео-христианство, потому что одно невысказано без другого» [1, www].

Поводом для написания И. А. Бродским стихотворений на духовную тему часто служили религиозные праздники, основным из которых стало Рождество Христово. Начиная с 1963 года и почти до самой смерти (последнее было написано за месяц до смерти поэта) И. А. Бродский каждый год к Рождеству создавал стихотворения, которые после его смерти были объединены в цикл «Рождественские стихи». В переживаниях лирического героя чувствуется трепетное отношение к Таинству Рождества Христово. Он выступает как наблюдатель событий двухтысячелетней давности, несмотря на то, что непосредственно лирический герой «Рождественских стихов», конечно, не присутствует в Вифлееме.

В стихотворении «Бегство в Египет» дана зарисовка первых минут после Рождения Иисуса Христа. Начинается оно с описания быта пещеры: *«В пещере (какой ни на есть, а кров! / Надёжней суммы прямых углов!), /*

В пещере им было тепло втроём; / пахло соломою и тряпьем» [3, www]. Вставная конструкция выступает в качестве ремарки лирического героя, который размышляет о месте рождения Христа, об атмосфере той ночи. В стихотворении говорится о Младенце: «Мария молилась; костёр гудел. / Иосиф, насупясь, в огонь глядел. / Младенец, будучи слишком мал, / чтоб делать что-то ещё, дремал» [3, www]. Но Младенец-Иисус уже знал о том, что придется ему совершить и на какую жертву пойти: «Звезда глядела через порог. / Единственным среди них, кто мог / знать, что взгляд её означал, / был Младенец; но он молчал» [3, www].

Стихотворение проникнуто сопереживанием атмосферы таинства рождения Сына Божьего, а лирический герой становится свидетелем Великого Таинства, сопричастным ему.

Несколько в ином ракурсе написано стихотворение «В Рождество все немного волхвы...». Начинается оно с приземленного описания современной автору действительности советской поры: «В Рождество все немного волхвы. / В продовольственных слякоть и давка. / Из-за банки кофейной халвы / Производит осаду прилавка...» [3, www]. Контрастно быту возникает образ Младенца: «...и Младенца, и Духа Святого / ощущаешь в себе без стыда; / смотришь в небо и видишь — звезда» [3, www]. Сравнение с волхвами объясняется упоминанием звезды, за которой они шли к месту рождения Бога. Праздник Рождества, по-видимому, по логике поэта, дает возможность каждому соприкоснуться с божественным, возможность духовного преображения, независимо от того, где ты находишься — в Вифлееме или в очереди в продовольственный магазин. Его лирический герой — современник автора, свидетель и участник этой жизни. Он не пытается идеализировать жизнь, напротив, дает не самую красивую ее зарисовку. При этом в стихотворения вводятся библейские образы. С образом Бога-Младенца неразрывен образ Духа Святого, чем подчеркивается триединство Бога: Отец, Сын, Святой Дух.

Говоря о структуре стихотворения, отметим прием контраста, используемый автором для противопоставления земного и небесного, преходящего и вечного: от бытоописания окружающей лирического героя действительности поэт уходит к событиям Рождества Христова.

Создавая стихотворения, посвященные религиозным праздникам, облекая духовные мотивы в форму зарисовок ветхозаветных событий, ставших основой современного праздника, поэт приходит к осмыслению основ бытия, смысла жизни, веры. Его лирический герой одинок. Он пытается уйти в мир, где нет греха, несправедливости. Туда приводят его духовные поиски.

Интересна и такая особенность религиозной лирики И. А. Бродского, как изображение лишь земной жизни Христа. Во всем цикле «Рождественских стихов» он ни разу не называет Христа Богом. Здесь это Младенец, которому еще только предстоит принести себя в жертву ради спасения рода человеческого, который знает свой путь.

Интересен и своеобразен путь к духовной тематике в лирике И. А. Чернухина. Поэт, на детство которого выпали страшные годы Великой Отечественной войны, а затем — испытания лагерями ГУЛАГа, еще в 1950-е годы, будучи заключенным, неосознанно обратился к Богу. Затем, уже в гораздо более поздний период жизни и творчества, И. А. Чернухин поэтически оформляет свои религиозные чувства, философские размышления о жизни и смерти.

Если И. А. Бродский показывает образ Младенца, образ вполне земной (это зарисовки Рождества и начала земной жизни Христа), то у И. А. Чернухина Бог Всевидящий Всесильный Творец мира и человека. Образ Бога возникает в его поэзии в неразрывной связи с поиском лирическим героем смысла жизни, что связывает воедино духовную и философскую тематику И. А. Чернухина. В его поэтическом наследии присутствует форма стихотворений-молитв, в которых специфически раскрывается образ Бога.

В стихотворении «Молитва» лирический герой призывает на помощь Христа в любых жизненных трудностях: *«Дай мне терпение Твое / В больнице лютой и на плахе, / Смиренье... чистое белье, / И покаяние во страхе»* [7, с. 43].

Примечательно, как органично в обращении к Богу лирический герой просит дать ему самые главные христианские добродетели: терпение, смирение, покаяние. Покаяние ставится на первое место; следующее четверостишие развивает эту тему: *«Прости меня за мрак души, / За тяжкие долги и страсти, / И зло во мне ты задуши / В часы вселенского ненастья»* [7, с. 43]. В противовес добродетелям ставятся грехи: «мрак души» — ни что иное, как уныние — противопоставляется терпению, зло — смирению, «тяжкие долги и страсти» — покаянию. Более того лирический герой готов к подвигу жертвы собой: как Бог пожертвовал собой ради спасения рода человеческого, так и лирический герой готов на жертву ради Родины: *«Когда на Родине ни зги — / Благослови на труд и слово, / Или как молния сожги, / И воскреси из пепла снова»* [7, с. 43]. Поэт ни разу не упоминает имени Бога, но все стихотворение пронизано верой в Него.

В отличие от «Молитвы» стихотворение И. А. Чернухина «Успокой мое сердце слепое...» — это прямое обращение к Господу.

Уже в первом четверостишье лирический герой просит у Бога великой милости избавления от страстей: *«Успокой мое сердце слепое, / Усмири мою дерзкую плоть, / И пошли мне молитву с любовью, / Мой Господь!»* [7, с. 166]. Сохраняется оппозиция грехов и добродетелей: «слепое сердце», «дерзкая плоть» противопоставляются «молитве с любовью». Духовная тема углубляется в последующих четверостишьях.

Второе четверостишье иллюстрирует духовное паденье человека: *«Удержи от греха и паденья. / Через огонь пронеси, через воду, / И от лиха спаси и злодея, / Мой Господь!»* [7, с. 166].

В третьем же четверостишье демонстрируется путь к спасению: *«Дай мне посох и чистую воду, / Дай суму и насущный ломоть, / И оставь мои песни народу, / Мой Господь!»* [7, с. 166]. Главная просьба — обретение Царства Небесного: *«А когда годы тело потушат, / Чтобы сердце мое расколоть, / Ты возьми к себе бедную душу, / Мой Господь!»* [7, с. 166].

В данном стихотворении лирический герой показан человеком грешным, заботящемся о спасении души, просящим у Господа милости.

Однако, «лирические молитвы» — не единственная форма духовной поэзии И. А. Чернухина. Божественная тематика характерна для стихотворений, которые, на наш взгляд, можно считать пограничными между духовной и философской лирикой.

Таким является стихотворение «Смотри и помни», где духовные мотивы тесно переплетаются с образом памяти: лишь тот, кто хранит память о первородном грехе, достоин считаться безгрешным, — такова главная идея стихотворения: *«Слепой безгрешней зрячего любого <...> Когда грома гремят, как голос Бога / И огонь, как взгляд, сжигает дерева, / И ты один, и к дому нет дороги / И под стопами в терниях трава»* [7, с. 164]. Эта идея трансформирует форму. Медитативность уступает место проповедническому началу. Лирический герой дает наставление человеку, отраженное уже в самом названии — «Смотри и помни». То есть, смотри на свою жизнь и помни о грехе, о свободе выбора добра или зла. Очень выразительны в представленном четверостишье сравнения: «грома, как голос Бога», «огнь, как взгляд». Тем, кто зряч, кто может видеть все, что его окружает, необходимо помнить о границах добра и зла: *«Смотри и помни — ты на то и зряч — / Вот древо жизни, яблоко Адама, / Вот змий и Бог, голгофа и палач...»* <...> *Смотри и помни — / От видений многих / И грех велик, / И велика беда»* [7, с. 164]. В приведенном четверостишье мы видим уже традиционную для лирики И. А. Чернухина оппозицию «добро» — «зло»: «змий

и Бог», «голгофа и палач». Человеку в земной жизни Богом дан выбор. Мы сами выбираем добро или зло, и это определяет нашу жизнь земную и посмертную, конечно, если верить в метафизические основы мира.

Стихотворение завершается предостережением о Божьем Суде за совершенное нами на земле: *«Живи и помни — / В Питере ль, в Мадриде, / Что и с тебя однажды спросит Бог / За все, что ты на этом свете видел, / Но позабыл и в сердце не сберег»* [7, с. 164].

В стихотворение «Смотри и помни» вплетается тема памяти. Память для поэта является мерилем безгрешности человеческого существования. Только помня о первородном грехе, о Страшном Суде, о возможности выбора между «Добром» — «Злом», можно обрести Царство Небесное.

В стихотворениях, причисляемых нами к духовной поэзии И. А. Чернухин обращается к теме возможности познания человеком Бога. В стихотворении «Триединство» заявляется, что в земной жизни человеку абсолютно познать Божественное начало невозможно: *«Триедина великая вера, / Милосердна, глубинна, чиста, / Но тебе до конца не измерить / Эту тяжесть и легкость креста»* [8, с. 30]. Этот мотив звучит и во втором четверостишье: *«Не подсвистывай птицам небесным — / Не тебе понимать их удел»* [8, с. 30].

Интересна авторская характеристика лирический героя — поэта, певца, человека, еще не исполнившего своего земного предназначения. Говорится о Божественном начале поэта: *«Но ты принял высокие звуки, / Что с небес принесли соловьи»* [8, с. 30]. Обращение к образу соловья неслучайно при характеристике образа лирического героя: этим подчеркивается музыкальное начало поэзии. Отмечая Божественный дар поэта, не забывает, что поэт — это всего лишь человек, а значит, он грешен, с «душой грешной», и его ждут «вселенские муки»: *«И обрек на вселенские муки / Душу грешную, песни свои...»* [8, с. 30]. Говоря о «вселенских муках», автор намечает масштаб поэтического творчества и меру страданий, которая уготована поэту. Страдания, по логике поэта, предстают как плата за талант: *«Что же делать, коль в жизни суровой / Просто так ничего не дано»* [8, с. 30]. Но спасение есть — это Божественное Слово: *«Триедино великое Слово — / Было Богом когда-то оно»* [8, с. 30].

Привлекательным для анализа в стихотворении является восприятие И. А. Чернухиным Бога. Поэт не проводит границ между Словом и Богом, применяя к Слову ключевой в определении Бога эпитет «триедино». Слово ставится выше всего его лирическим героем: *«Перед Словом, как мальчик,*

робею. / Речь мою замыкают уста» [8, с. 30]. Отсюда и соответственное сравнение лирического героя («как мальчик»), и замкнутость его уст («речь мою замыкают уста»). Бог является единственным источником спасения для лирического героя: *«Надо мною спасительно веют / Три единых смиренных перста»* [8, с. 30].

И. А. Чернухин обобщает смысл всего стихотворения: спасение — в «триединой» вере; смирение — одна из самых главных христианских добродетелей. Поэт подчеркивает, что человек в любых обстоятельствах должен пребывать в мире с самим собой и Богом, не возвышать себя над кем бы то ни было, иметь в своём сердце убеждение, что все, в том числе и поэтический дар, даны ему только Богом.

Таким образом, мы видим, что духовные мотивы в лирике И. А. Чернухина представлены многообразно: это и лирическая молитва, и философское осмысление религии. Лирический герой его стихотворений, несмотря на всю общность (путь страданий, одиночество) не тождествен лирическому герою поэзии И. А. Бродского. И. А. Чернухин создает более земной образ человека. Он создает лирического героя — поэта, наделяет его автобиографическими чертами. Творчество И. А. Бродского и И. А. Чернухина возрождает духовную лирику в русской поэзии новейшего времени.

Литература:

1. Бродский И. А. Никакой мелодрамы / [Интервью В. Амурскому]. // *Континент*. — 1990. — № 62. — С. 381–397. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://lib.ru/BRODSKIJ/brod_interviews_ru.txt_with-big-pictures.html
2. Бродский И. А. Рождественские стихи. — М.: Азбука-классика, 2007. — 96 с.
3. Бродский И. А. Стихотворения // *Азбука веры: православное общество*. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://azbyka.ru/stihi/brodskiy/>
4. Колодяжная Л. Из истории духовной поэзии // *Духовная лира: сайт православной поэзии*. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lira.ror.ru/content/iz-istorii-duxovnoi-poezii>
5. Соколов Б. М. Духовные стихи // *Литературная энциклопедия*. — М.: изд-во Коммунистической академии, 1930. — Т. 3. — С. 610.

6. Чернухин И.А. Земное время. Стихотворения. — Белгород: Крестьянское дело, 1999. — 172 с.
7. Чернухин И.А. Стихотворения. Баллады. Поэмы. — Белгород: Отчий край, 2003. — 444 с.

Historical artistic truth suggestibility

Сафаров Отабек Мухаммадиевич, соискатель
Национальный университет Узбекистана (г. Ташкент)

Atabek Safarov, Competitor
National University of Uzbekistan

Date, you always felt the need for pure approach. Indeed, taking lessons from the past, not to repeat the mistake, every member of society to the consolidation of the achievements and all the folks, I need to know the historical truth as it is. Unfortunately, the Council in the past, the future only in accordance with the ideology presented. Sahteleştirilmesi of history and life in the future as a result of the lie wrapped into a mirage.

It is not pure approach, the majority of countries, including Turkistan National Get Rid of the early 20th century were told to Operation. More precisely, the men of that period, the «enemy» or «fans» were evaluated in two ways. As a result of the exploitation of the people taking advantage of this unrest, the ugly face of the interests of the people he afford all the evil colonialists homeland who wish to recover the independence of the nation, who values the freedom to «colonial», «predatory», «murderer», «leech sucking the blood of the people»-shaped I was told scornful words. In other words, the National Councils to Get Rid of weapons of Operation iştirakçıları have suffered. Their sons savştan ideological weapon more powerful than the enemy took a strong blow.

Thus, for nearly seventy years, cruelty, which is the symbol of colonialism since the people's movement to work on a way to tell the truth sincerely would have required a great courage. Because he's «unstable period, you may enter it here, I can not write» in the form of thought, such as an ax swings over you, so... the author could have written many of the real word».

Thank goodness I Get Rid of national action against Khalmirzayev's In this context, dealing with Uzbekistan's talented author «Tabassum» («Smile») story (1984), «Ostin-ustin», attempts (1984), «Qora Kamar» («Black Pit») game (1987), «Eshniyoz komandir» («Pity Eshniyaza») (1987–1988), «Abdulla Nabi o'g'lining so'nggi kunlari» («Abdulla Nabi son's Last Days»), parables, (1983), «Qil ko'prik» («Hair Bridge»), novel, (1978–1982), this ax artifacts under the post.

Considered by the author to the fact that without, as the hero of a work to illustrate the period since the Council, even the name of the business may pay a per person Enver Pasha, one of the heroes. This is a positive approach to the ideology of the historical dimension Council is against him. Because Pasha, scientific, political, and artistic works, «adventurous», «Anglo-American agent, referred to as». «Qil ko'prik» («Hair Bridge») novel, Enver Pasha, the Muslim leader to take the country to the enemy homeland-earth, experienced and courteous is expressed as a commander, however, only this approach, the artist shows how sensitive to historical fact.

In the first quarter of the 20th century in Turkey dealing with the bloody events and their participants author, so it is natural that, Enver Pasha's person could not ignore. Because at that time the leaders of the country's National Operational activity to Get Rid of Enver Pasha and was firmly a while, though. Moreover, in the 20s of the 20th century against the Bolsheviks, Fergana, Khorezm, Samar-kand and Bukhara provinces of East Şermuhammedbek, Cunaidhan, Bahramhan, İbrahimbek, Hurrambek up the struggle as they are the leaders in the preparation of their military weapons, a very primitive compared to the army Council state. Moreover, they are scattered fighting, military strategies, informed and sustained in the face of military force army zayıflardı the Council. Operation Get Rid of national leaders is how to cope with an enemy «who understands the rules of diplomacy, an experienced commander who can speak alone with the leaders of foreign countries», a need. That is the historical duty, Enver Pasha took over.

Thank goodness Khalmirzayev «Qil ko'prik» novel and «Ostin-ustun» essay contrasting the interests of the leaders of the Shura operating in prime exponents of Enver Pasha and aims to address the homeland of human freedom fighter trying to make clear. For example, the author does not go against the fact of life. Enver Pasha and his services do not praise the book, does not hide unnecessary. Pasha on this subject, which is completely different point of view from the perspective of three groups of people belonging to portray. Araslanov Alimcan first group, Gavril GavaronSKI, are those who are in favor of the victim as the Council. People in this group, Enver Pasha, the enemy know for themselves. To do this, try to stop

the path of Enver Pasha. Failing this, try to insert the discord among indigenous leaders, Enver Pasha. In this case, their approach to personal Pasha is expressed. For example, according to Kurban'a Enver Pasha «Chief commander of the army of Islam is» not a sign of no. Therefore, the Pasha, the «big talk come out in front of state leaders recognized» the leaders of the Islamic Army Shura convey the news that a new leader borçtu for him. Council Pasha's military capability in the proof of the following confession of one soldier: «Pasha, prudent, capable of maneuvering on the battlefield, the army commander-managing. 'd Hit every throw».

Isan Sudur, Polathoca Usmanhocayev persons belonging to groups called a second, Enver Pasha colleagues. In fact, Sudur of Jesus, through Polathoca Usmanhocayevler commander Enver Pasha says that he is saving the homeland, the courage of a great writer. Pasha said the Soviet Union and the imperialist imperialism, socialism, the enemy knows it turns out, is one of the greatest leaders of Councils P.Usmanhocayev's writing is faithful to Enver Pasha, Pasha of Councils provides the facility to be relieved off easily, then the side of the army of Islam to state that, these indices are the same as pressing the curse mark. More precisely, in this way it will accept this approach kuşkusuzdu old ideology.

Enver Pasha, who expressed his own approach to the prime exponents of the novel, the third in the group İbrahimbek and there are people who follow him. They are enticed by agents of the Council because they are ignorant of the negative approach and ultimately found in the person of Pasha. They do not want to increase the power of Pasha's influence. Their common goal is known as the aspirations of the soul yenemz fight against the enemy. As such, it is difficult to Pasha slowly to keep them and their cause. In the novel, and the «top-bottom» İbrahimbek and his supporters attempt to make use of Council is portrayed expertly persons. For example, try İbrahimbek'in, BAYŞU from the garrison, and Enver Pasha «foreign refugees, Anglo-American agent, cunning» and İbrahimbek'e «goodness and high achievement» by dilemediğini, to be vigilant against Pasha believes that provoked the letter at the same time, Enver Pasha İbrahimbek'in «treason» of the letter delivered declared, it is inserted as a result of the actual lines are depicted discord among Islamic leaders. The success of the Council's supporters have written provides namussuzluklar like this shows the author's courage.

Enver Pasha, pure approach to personality, «Hair Bridge» in his handling of this embodiment of the bitter fate of the see. In the novel, Pasha, successes and failures, is expressed in a clear manner. For example, what to do after the call İbrahimbek Enver Pasha surprised. Then, ways of thinking Togaysari bahadırı him. But do not dare to enter his presence, and close to the man bahadır Goppanbay'ı

a letter to the Pasha roads. The letter states: «The Prophet İbrahimbek Aliler your foot is not the next guy! His Holiness leg of your men come to take a moment before you come, otherwise it will pay a heavy your mistake! «Here in this case Pasha, who understands diplomatisiyi bristling personality appears. Pasha, Amir does not say that the power of attorney, and vice versa «His Holiness İbrahimbek apologize», he sets out the presence of İbrahimbek'in. The book Pasha, cautious, serious and broad perspective as a politician are written in an exaggerated, Pasha, pure descriptions of these features are offered.

A philosopher: «War is always bad. But civil war is the worst one. Because of this there is no victorious in the battle. «He said. Divided into a lot of people really each other's ass minced no more painful disaster. Thank goodness Khalmirzayev, National Get Rid of works dealing with the subject of Operation «deviated generation» also tries to show the catastrophe. Today we «banner-bearer of the young kemal and she often sacrifices they made with sincere faith and see what the result that» If we are in, that is, into the service of my fellow Soviets, then devoted themselves to this path, this system saw the realization of requests. For example, Abdulla Nebioğlu (Black Hole), the commander Eşniyaz (Pity Eşniyaz'a), Sacrifice (Sword Bridge) and others kanarlar false promises and lies. Day came early... do not give up their faith in this system, even if a disaster

History is behind us, was passed to a new era, people have changed perspective. Operation is known by all of us and it's currently showing the results of the National Get Rid of a real door, opened it so easy. Tarnishing the name of the original sons of the nation, violation of memoirs, intellectuals began to recognize self, to tighten his life, a pure assessment of history, even if they wanted they were unable to dare. Thank goodness I already confessed Khalmirzayev'in as «a system of despotic yesterday overturned until the system has not been in any period. This system is to bend the will of the people, aimed to break the spirit!»

Thank goodness the author Khalmirzayev realistic works, looking at the past, pure, faithful, and he will not come baskıncıdan a charity that never showed. «Hair Bridge», «Black Hole» works just like the soul of man is not to be taken to handle the problems that are difficult to understand, but also a thick veil that covers the face of the history of the nation being the first step in attempting to value.

Литература:

1. Kasimov B. Milliy uyg'onish: jasorat, ma'rifat, fidoyilik. — Tashkent: «Ma'naviyat», 2002.

2. O'zbekiston Ensiklopediyasi Milliy. C.1. — Tashkent: «O'zME», 2000.
3. Khalmirzayev Sh. O'ladimi Adabiyot? // «Tafakkur», 1998, Number 1
4. Khalmirzayev Sh. Yetildikmikan? // «O'zbekiston adabiyoti San'at va», January 5, 1990.
5. Khalmirzayev Sh. Muammolarning muammosi — my room (Ş. Atabayev 'le chat) // «O'zbekiston adabiyoti San'at va», December 26, 1986.
6. Khalmirzayev Sh. «Faqat o'zligimni anglash yozaman»... (conversation with Sh. Daniyarova) // «O'zbekiston adabiyoti San'at va», February 25, 2000.
7. Khalmirzayev Sh. Ko'prik Qil. — Tashkent: G'ofur G'ulom nomidagi adabiyot San'at va nashriyoti, 1984.
8. Khalmirzayev Sh. Qora Kamar // «Sharq yulduzi», Tashkent, 1998, number 9
9. Khalmirzayev Sh., T. Usmanov Ko'chki (essays, stories and games). — Tashkent: «Yosh gvardiya», 1990.

Реальное и вымышленное в романе Всеволода Иванова «Похождения факира»

Старченко Галина Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент
Павлодарский государственный педагогический институт (Казахстан)

Творчество Всеволода Иванова 1920–30 г. г. ориентировано на общественно-культурную ситуацию его исторической родины. Родился будущий писатель в посёлке Лебяжье Павлодарского уезда Семипалатинской губернии. Учился в Павлодарском низшем сельскохозяйственном училище, работал в Павлодарской типографии. В дальнейшем Вс. Иванов никогда не забывал своих родных мест, даже объехав весь мир, побывав в Японии и Индии, куда он так стремился, живя в Павлодаре. Здесь для писателя начинался таинственный, романтический мир юрт, дымных кочевий, мир, казалось, сохранивший первозданную форму природной жизни и несложных человеческих отношений.

Внимание к человеческой индивидуальности по-разному проявилось в творчестве Вс. Иванова указанного периода. Сначала — в особой форме скрытого автобиографизма, в рассказах с автобиографической основой, затем

в обращении к жанру романа, который не давал достоверного жизнеописания героя, подтверждённого документами, а представлял лишь художественное изложение его судьбы. События в романе «Похождения факира» представлены через призму восприятия автора, при этом автор вправе изменять какие-то моменты и детали. Литература воспоминаний, автобиографий, исповедей и «мыслей» ведёт прямой разговор о человеке. Подобное повествование стирает границы между вымыслом и фактом, позволяя проследить исторические, социальные, психологические особенности, присущие определённому периоду эпохи.

В письме А. М. Горькому от 26 марта 1933 года, где Вс. Иванов сообщает о работе над «Похождениями факира», есть такие строки: «Очень хочется сказать о себе правду. Удаётся это с трудом — нет, нет да и закруглишь её, эту правду, какой-нибудь выдуманной чепухой» [1, с. 67]. Среди материалов к «Истории моих книг» встречается запись, относящаяся к «Похождениям»: «Фантастичность и вместе с тем — реальность — и я сам герой, чтоб придать наибольшую реальность, даже имя сохранил, а я мог бы взять, скажем, Пётр или Дмитрий» [цит. по: 2, с. 5].

Многие детали «Похождений факира» связаны с воспоминаниями детства, молодости и другими событиями из жизни писателя. Умело сочетая факты из жизни, вынося на суд читателя реалии окружающей действительности и в то же время, используя мир вымысла и художества, писатель создаёт свой собственный неповторимый стиль. Отдельные образы и лейтмотивы включены в создание образа жизненного странствия. В тончайших подробностях Вс. Иванов изображает посёлки, города, в которых жил и бывал. Исторически точен самый поверхностный слой романа. Подлинны фамилии не только рассказчиков, но и многих иных действующих лиц. Точны некоторые географические названия, достоверны отдельные реалии быта. Однако писателю свойственно не скрупулёзное воспроизведение действительности, а буйное фантазирование.

Переплетение реального с вымышленным является одной из сильных сторон романа Вс. Иванова. С одной стороны, как будто намеренно автобиографическая задача, с другой — опора художника на внешние черты автобиографизма лишь для придания реальности вымышленному, нафантазированному. При осуществлении замысла эти две разные задачи по-разному сказались в первой книге — «Факир подходит к цирку», более автобиографической, и во второй и третьей. По мнению Л. А. Гладковской, «Факир обходит цирк» и «Факир входит в цирк» строятся почти исключительно на вымысле.

Но образ главного героя, скрепляющего все три книги, развивается последовательно и органично» [3, с. 91]. Правдивость повествования, возможность прикоснуться к «я» рассказчика позволяет читателю воспринимать даже вымышленные детали как реальные факты.

В произведении много внимания уделено Павлодару и другим родным местам автора: «О, этот Павлодар! Я и сейчас вижу как во сне, эти бесконечные пыльные улицы, по которым не спеша шагают люди, каждый из которых непременно самородок. Павлодар, в сущности, есть расширенное Лебяжье, с прогимназией, казачьим управлением, городской думой, с полицейскими участками<...>. Дома — большие деревянные, церковь разве в камне (но у церкви своя история — дальше). И у каждого человека своя история. Своё счастье» [4, с. 323]. Специфическое мироощущение главного героя «Похождений факира», круг идей романа определили и саму общую картину жизни сибирской провинции 1920—30 г. г.

Есть факты и последовательность автобиографии: Лебяжье, Волчиха, Павлодар. Лавки, церкви, чайные, провинциальные типографии, скрип телег на трактах, парады бродячих цирковых трупп, самодельные чудеса факира, его хождения в Индию. Здесь родословная Всеволода Иванова. При этом отсутствует подробное описание дома, поскольку главное внимание сосредоточено на внутренних взаимоотношениях персонажей.

Роман «Похождения факира» написан от первого лица. В основу рассказа о жизни юноши положены личные воспоминания писателя, но под его пером рождается не очередная художественная автобиография, а оригинальнейшее жанрово-сюжетное образование. Автобиографичность прозы Вс. Иванова — способ вытеснения реальной биографии. Писателю кровно нужна «полоса отчуждения» между собой и персонажем, носящим его имя, переживающим его жизненную авантюру. Это побег от себя, попытка прожить инкогнито в раз и навсегда знакомом мире, обмануть его однообразие переосмыслением, его неподвижность — своим бродяжничеством.

Первая часть романа обнаруживает равновесие между описанием и повествованием, как это принято в автобиографическом романе-воспоминании. Во второй и в третьей частях происходит сдвиг в сторону повествования (за счёт описания). Да и само описание меняется. Если в первой части присутствует исповедальная искренность, с самого начала осложнённая лёгкой иронией, то во второй и третьей — она исчезает совсем.

В романе проявляется две тенденции: стремление широко охватить эпоху и одновременно как можно глубже постичь неповторимую человеческую ин-

дивидуальность. Автор не только вспоминает о реальной обстановке своего детства и юности, но рассказывает и о своём постепенном духовной становлении. Общественные события, создающие исторический контекст романа и круто изменяющие судьбу героя, являются лишь фоном, оттеняющим очередную этап развития индивидуума.

В центре романа (что было отражено в заголовках частей) — образ цирка, к которому проходит и в который входит факир Сиволот. Цирк, который перевернул всю жизнь подростка и стал его мечтой, был построен в городе Павлодаре на улице Карла Маркса. Здесь Всеволод увлёкся факирством, здесь родилась его мечта непременно дойти до Индии — сказочной страны, которая для многих романтиков была тогда олицетворением «духа». На арене балагана его впервые увидел казахский писатель Мухтар Ауэзов. Именно в цирке началась литературная деятельность писателя — он стал создавать маленькие сценки для клоунов, а потом и первые рассказы о цирковой жизни.

У Вс. Иванова развитие юноши подано как процесс, где вечные признаки сливаются со специфическими, продиктованными временем и обстоятельствами жизни. С Ивановым и в самом деле происходило много удивительного и странного. Он исходил чуть не всю Западную Сибирь и Среднюю Азию, был факиром, протыкал себя шпагами, чтобы заработать на жизнь, всерьёз занимался йогой и опытами передачи мыслей на расстоянии.

В романе автор вспоминает юность, казахские степи, приуральские леса, сибирские городки, жизнь грубую, тяжёлую, но в то же время отличавшуюся сложностью и запутанностью драматических положений. Вс. Иванов показывает судьбу юного человека, образ которого несёт в себе представление об авторском идеале, что является неотъемлемой чертой искусства как такового. В произведении ощущается отношение писателя к герою, при этом создаётся художественный образ, который содержит субъективное представление автора. Молодой человек Сиволот пытается найти себя в этом мире, воплотить свои мечты в реальность, но жизненные ситуации всячески мешают молодому факиру исполнить заветную мечту.

С самого начала автор описывает своё детство, семью, трудные годы жизни, своё окружение, не выдумав, а изобразив так, как оно было в реальной жизни. Судьба героя обусловлена теми социальными обстоятельствами, которые были присущи конкретному историческому периоду. Жажда необычного началась у Всеволода Иванова задолго до писательства. Обычное связывалось с трудным и неровным домашним бытом, с бездуховной, мелкокорыстной жизнью павлодарской родни, с затхлым существованием уездного Павлодара.

Обычным было низшее сельскохозяйственное училище, обычным явился уход из семьи.

Дневник героя Вс. Иванова накрепко связан с провинциальным миром провинциального Павлодара. Юноша Всеволод, брошенный в пучину житейского моря, рано узнаёт, как жесток мир, в котором ему предстоит отыскать своё место под солнцем. Эта жестокость заявляет о себе на каждом шагу то самосудом над конокрадом, то нелепой неукоснительностью традиций, то равнодушием к людским страданиям. Бесчеловечны социальные порядки, с которыми приходится сталкиваться герою, на себе испытывающему гнёт и несправедливость. Иванов очень рано становится жертвой житейских невзгод, с ними ему не совладать. Спасением видится мысленное переселение в мир мечты, прекрасный уже тем, что ни в чём не похож на окружающую героя реальность.

Стихия вымысла захватила героя, ещё ребёнком он начал фантастически преображать жизнь. У него, как и других «мечтателей», есть «идея». Это Индия. Индия — экзотическая страна чудес, во всём противоположная серой, неприглядной обыденщине, страна дервишей и факиров. Сам герой уподобляет себя индийскому принцу, брошенному к берегам Иртыша коварными претендентами на престол его отца. Символика путешествия, странствия в романе тесно связана с концепцией человека как странника, путника. Странствие становится формой внешней жизни героя, вера в легенду и сотворение мифов — внутренней.

Оперируя мотивами, почерпнутыми из книг любимых авторов, калькируя книжные ситуации, герой Иванова творит в сознании свой особый мир, где все эти мотивы, ситуации, образы оказываются пропитаны реальными ощущениями юноши и в существе своём преобразованы. Самостоятельность — непременный атрибут поэтического мышления героя при всей его романтической стереотипности. Герой никогда не замыкается в своем одиночестве. Наоборот, душа его жаждет контактов с людьми, ищет поддержки.

Два мира, живущих в подвижном сознании героя, взаимопроницаемы. И это оказывается плодотворным: мир реальности насыщается отзвуками воображаемых картин, а фантастические видения конкретизируются внесением в них реальных бытовых проблем. Постепенно мир Индии настолько «обживает» сознанием героя, что обретает возможность стать основой для его усложнившихся фантастических видений. В новых фантазиях «мир Индии» уже становится тем первым миром, с которым сталкивается второй, вновь выдумываемый: возникает двоемирие уже внутри фантастического героя.

Исследователи творчества Вс. Иванова прежде всего оценили художественную правду романа и мастерство её выражения. Правду и автобиографичность надо понимать не как использование прошлого в качестве канвы произведения, а как использование собственного видения мира и вызванных в связи с этим своих мыслей, раздумий и переживаний. Наиболее значимым является передача тех норм и правил, привычек и традиций, современником которых являлся сам писатель.

Творчески переосмысливая действительность, всевозможные факты собственной жизни, писатель выражает свои мысли и мироощущения, передавая чрезвычайно личные, искренние и откровенные чувства. Логика действительности заменяется логикой художника. Рождается особая концепция жизни, не претендующая на объяснение всех противоречий и тенденций реальности, но способная уловить многое и очень существенное в ней. Вымышленные детали позволяют писателю преобразить уже свершившееся событие, в результате чего грань между фактом и вымыслом становится условной. Вс. Иванов не добивается точного фактического сходства жизни главного героя с собственной биографией, но автор верно передаёт общий характер своей юности, её «маршруты», её жизненную пестроту.

Литература:

1. Иванов Вс. В. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. Изд. 2-ое, доп. — М.: Советский писатель, 1985. — 480 с.
2. Косенко П. Биографические повести и литературные портреты. — Алма-Ата: Жазушы, 1980. — 280 с.
3. Гладковская Л. А. Жизнелюбивый талант. Творческий путь Всеволода Иванова: монография. — Л.: Худож. лит., 1986. — 304 с.
4. Иванов Вс. В. // Избранные произведения: в 8-х т. Похождения факира: Роман. — М.: Худож. лит., 1985. — Т. 1. — 647 с.

3. НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Лингвокультурные формулы с качественным значением ядра в древнегерманском мифологическом дискурсе

Писаренко Агата Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель Кемеровский государственный университет

Объектом исследования в данной статье являются лингвокультурные характеристики культурного героя в древнегерманском фольклоре. Под культурным героем вслед за Е. М. Мелетинским понимается фольклорный персонаж, который добывает или впервые создаёт для людей предметы культуры (огонь, орудия труда), учит их ремёслам, вводит определённую социальную организацию и ритуалы [1, с. 215], т. е. культурный герой является персонифицированным образцовым носителем ценностных характеристик конкретного этноса.

Предметом исследования являются лингвокультурные формулы с качественным значением ядра, представленные в текстах мифологического фольклорного дискурса, в содержании которых заключены характеристики архаичного культурного героя.

К мифологическому дискурсу отнесены древнегерманские тексты мифологического содержания — песни о богах «Старшей Эдды», основанные на древнегерманских мифах. В мифологическом дискурсе выделяется один тип культурного героя — бог (Один, верховный бог древних германцев). Тексты древнегерманского мифологического дискурса представляют собой стилизованные речи, что отражено в их названиях — «Речи Высокого» *Havamal* (от *hava* — ‘высокий’, *mal* — ‘речь, разговор’), «Речи Фафнира» *Fafnismal* (от *Fafnir* — Фафнир, имя собств., *mal* — ‘речь, разговор’), «Речи Сигдривы» *Sigdrifumal* (*Sigdrifa* — Сигдрива, имя собств., *mal* — ‘речь, разговор’). Особенностью любой речи является то, что она отражает стремление говорящего к некоей цели и постоянную потребность осуществить эту цель. Со-

гласно Дж.Л. Остину, высказывать свое утверждение и убеждать в чем-то может каждый человек. Однако в реальной жизни часто приходится наблюдать, что человек не может высказать о каких-то вещах ни одного утверждения, потому что не обладает достаточным объемом достоверной информации [3, с. 31]. Следовательно, для того, чтобы суметь воздействовать своим утверждением на собеседника, говорящий должен владеть абсолютным, не подвергающимся сомнению знанием. Обладать таким знанием могут только герои, имеющие очень высокий статус в культуре. В древнескандинавском мире такую силу воздействия имеет верховный бог древних германцев Один, имеющий прозвище «Высокий» (в значении «верховный»).

До современных исследователей дошли отрывочные записи речей на древнеисландском языке. Однако наличие схожих мифологических мотивов, например, в англо-саксонском эпосе, и текстов, основанных на них, позволяет сделать вывод о том, что они были созданы в дописьменную эпоху существования древнегерманских языков на территории проживания островных и континентальных германцев (острова Исландии и северная часть Европы — Германия, Дания, Швеция). Особая ритмика и форма данных речей (наличие семантических и грамматических повторов, зачинов) свидетельствуют об их первоначально устном бытовании. Песни «Старшей Эдды» созданы определенным способом, который был выработан древними сказителями, не владевшими письмом. Суть данного способа заключается в сложении метрических стихов и полустихий с помощью формул. Под формулой понимается группа слов, регулярно встречающаяся в одних и тех же метрических условиях и служащая для выражения основного ценностного смысла [2, с. 42]. По сути, формулы представляют собой устойчивые повторы с допустимой вариативностью. Формулы могут порождать другие формулы (варианты). Варианты формул необходимы сказителю для того, чтобы избежать прямых повторов и сохранять ритм стиха. Языковое мышление человека устроено так, что ему свойственно повторять в речи ту информацию, которая наиболее важна в каком-либо контексте. Следовательно, формула как повтор содержит основной смысл всего произведения. В свою очередь, понятия, выраженные с помощью формул, являются обозначениями реалий, окружающих героев эпоса, и конкретных характеристик (локальных, темпоральных или описательных) героев. Следовательно, эти обозначения реалий и характеристики героя составляют смысл всего произведения.

Языковая формула имеет определенную структуру. Она состоит из неизменяемого и изменяемых компонентов. В лингвистических и фольклорных ис-

следованиях не представлено определения данных компонентов формулы, поэтому представляется возможным определить неизменяемый компонент как ядро формулы, а изменяемые компоненты определить как периферийные. Ядро формулы определяет предмет, объект изображения и оно постоянно. Периферийные компоненты — это взаимозаменяемые элементы формулы, которые выражают различные характеристики предмета (объекта), обозначенного в ядре. Каждый отдельный периферийный компонент формулы в совокупности с ядром представляет собой партитив (частный случай) варианта формулы. Совокупность всех партитивов варианта формулы в свою очередь составляет саму формулу.

Исходя из определения формулы, она служит для передачи основного смысла и содержит конкретные характеристики форм существования конкретного этноса, следовательно, указывает на этнические особенности того или иного менталитета. Т. к. данные особенности выражены в языковом знаке, можно говорить о лингвокультурных особенностях того или иного этноса как основном содержании формулы.

Формулы с качественным (качественным) значением ядра отличаются тем, что в их содержании наблюдается следующая связь между ядром формулы и его периферийными компонентами: ситуация, описываемая в данных компонентах, зависит от типа человека, указанного в ядре формулы. Качественные формулы содержат характеристику человека как такового, вне зависимости от ситуации. Напротив, от того, какой человек, зависит его поведение в той или иной ситуации. Ядро одной из формул — существительное *maḍḡ* — человек. В ДИАС представлены следующие значения этого слова: *maḍḡ* 1. *man in the generic sense, human being, usually m. is unspecific in meaning; it can thus be rendered as one or (in the pl.) people* — человек в общем смысле, человеческое существо, обычно человек не имеет специфичности в значении; может относиться как к одному человеку, так и к людям (если стоит во мн.ч.) 2. *man (as opposed to woman)* — мужчина (в противопоставлении женщине) 3. *man in the service of s.o. in a high position (vassal, retainer)* — мужчина в услужении кому-либо более высокого положения (вассал, слуга) [4]. В данной формуле под понятием *maḍḡ* понимается человек вообще как живое существо, либо мужчина, либо слуга. Так как характеристики к данному слову не указывают на конкретную сферу деятельности существа, определяемого как *maḍḡ*, в данной статье он рассматривается как человек вообще. Эти характеристики человека, как уже указывалось выше, влияют на его поведение в определенных ситуациях, описанных

в данной формуле. Ее особенностью является то, что эталон поведения древнего германца в ней показан от обратного, от противного, т. е. Один говорит о том, как ведет себя глупый, неопытный человек, который не хочет учиться, и как, следовательно, не должен себя вести герой, если он хочет соответствовать эталону поведения древнего германца: *Osnjallr maðr hyggsk munu ey lifa, ef hann við víg varask; en elli gefr hanum engi frið, Þott hanum geirar gefi* — *Глупый человек думает, что будет жить вечно, если будет остерегаться сражений; но ведь старость не жалеет никого, даже если ему дано оружие* [5, с. 16]. По словам Одина, глупый человек считает, что сохранит себе жизнь, если не будет воевать. Глупый в понимании древних германцев не тот, кто ограничен умственными способностями, а тот, кто не учится и не принимает советы мудрого Одина. Глупый не знает тех законов, по которым существует мир и того, как следует себя вести в конкретных ситуациях. Умный человек в понимании древних германцев знает, что все смертно. Один говорит о том, что все живое смертно — животные, человек и мир. Даже сам Один, верховный бог германцев, смертен. Бессмертна лишь слава хороших дел. Тело человека умрет, но его дух и хорошие поступки, совершенные им при жизни, его слава навсегда останутся в памяти следующих поколений. Славу можно заслужить в сражении, потому что для каждого древнего германца-воина погибнуть в бою считалось наивысшей честью. Он не должен бояться смерти и проявлять отвагу в сражении, потому что только в этом случае он попадет в Вальгаллу — рай Одина и станет его воином. Глуп тот, кто боится смерти и избегает участия в сражениях. Если он не падет в бою, то он все равно умрет от старости. Один говорит, что старость, а, следовательно, и смерть настигнут всех, все смертны, даже те, у кого в руках оружие, не могут победить смерть. Германцы воспринимали смерть не как конец их бытия, а как переход в другой мир, окончание того отрезка пути, на котором они выполняли свою задачу. Но смерть от старости не заслуживает похвалы. Германцу важно прославить себя в жизни. Он — прежде всего воин и поэтому должен выполнять эту функцию до конца. В таком отношении к смерти проявляется важная особенность мировоззрения древних германцев — в нем нет намека на пассивное восприятие судьбы. Напротив, знание или предчувствие собственной судьбы побуждает индивида с наивысшей энергией и честью выполнить положенное, не пытаться уклониться от нее. Германец осознает себя как личность постольку, поскольку ощущает в себе свою индивидуальную судьбу [6, с. 4]. Поэтому избегать своей судьбы, бояться смерти и того, что предначертано свыше — удел глупого человека,

который не может выполнить свою функцию в жизни и не соответствует эталону поведения древнего германца.

Также глуп тот, кто доверчив ко всем окружающим: *Osnotr maðr hyggir ser alla vera viðhlæjender vini. Hittki hann fiðr, Þott Peir um hann far lesi, ef hann með snotrum sitr* — *Глупый человек считает всех, кто ему улыбается, друзьями. Он не замечает, даже если против него задумана враждебность, если он сидит с мудрым* [5, с. 24]. Один учит германца законам общения с окружающими, и самым важным из них является то, что германец никогда не должен никому верить и не воспринимать за истину все, что видит и слышит. Таков эталон поведения. Глупый человек, не имеющий опыта и не желающий учиться, за красивыми словами и лживым дружелюбием готов увидеть дружбу и поверить в искренность отношения с окружающими. Но герой должен знать, что никому нельзя доверять и люди могут лгать для достижения определенных целей. Глупец же этого не понимает и не способен разгадать настоящее отношение к себе собеседника и опасность, исходящую от другого. Один знает, что каждый носит определенную маску, в том числе и германец — герой (Один сам учит его этому). Герой ни в коем случае не должен никому открывать свое истинное лицо, характер и намерения. Это вызвано тем, что весь мир вокруг героя опасен для него и если он будет верить всему и всем, то долго он не проживет. Один учит этому германцев, но не каждый следует его советам. Несмотря на то, что речь произносится верховным богом, выбор, следовать им или нет, всегда принадлежит только герою. Один может лишь предостеречь его и посоветовать, как лучше себя вести в той или иной ситуации и что из этого может получиться. Если человек глуп и не будет исполнять то, что говорит ему Один, он не сможет находиться в безопасности и, следовательно, выжить. Такой человек не может соответствовать эталону поведения древнего германца. В нем нет самой важной характеристики, необходимой для германца — осторожности и постоянного стремления к самосохранению. Но даже тех, кто этого не знает, Один не может отвергнуть, потому что глупый — не тот, кто не способен обучаться, а тот, кто, либо не обучен, либо не умеет применять свои знания на практике. Ему необходима помощь. И она явится к глупому в виде другого, того, кто увидит, что человека необходимо дать наставление и выручить его из опасной ситуации. В данном партитиве варианта формулы Один выступает как защитник людей. Он создал человека, и он дает человеку свои советы не для того, чтобы потом наказывать его за их невыполнение, а для того, чтобы действительно научить германца жить в мире, созданном богом.

Хорошие отношения с окружающими помогут человеку противостоять внешнему миру и выжить, а значит, выживет и этнос. Помимо сплоченности германцы должны поддерживать в себе и здоровое психическое состояние, оптимизм. Один знает, как это можно сделать: *Er-at maðr alls vesall, Þott hann se illa heill; sumr er af sonum sæl, sumr af frændum, sumr af fe ærnu, sumr af verkum vel* — не становись совершенно жалким человеком, даже если в плохом здравии; один счастлив из-за сыновей, другой из-за родственников, один из-за богатства имеющегося, другой в хорошем состоянии из-за работы [5, с. 69]. Согласно этому совету Одина, человек не должен становиться жалким. Жалость вызывает любой, кто не соответствует эталону и не хочет ему соответствовать. Это трусливый, глупый человек, тот, кто не хочет учиться. Чтобы ему соответствовать, герой должен следовать одному из основных советов Одина — быть жизнерадостным и ценить ту жизнь, которая ему дана. Радость жизни германец может найти во всем, и Один называет конкретные вещи, которые могут осчастливить человека. Во-первых, это дети, точнее сыновья. Сыновья являются продолжателями своего рода, и они должны стать достойными похвалы своих родителей, а именно — стать настоящими воинами и соответствовать тому идеалу, который описывает Один. Именно такими детьми можно гордиться и их поступки делают германцев — родителей счастливыми. Также германец становится счастливым из-за родственников. Германец силен своей семьей и своим родом. Счастливым германца могут сделать как предки, которые прославили род, так и потомки, которых он должен достойно воспитать. Кроме того, часто германцы считали своими предками известных мифических героев или даже богов. Естественно, что иметь в зачинателях рода какого-нибудь бога считалось среди германцев удачей и уважалось ими, ведь всем потомкам великого героя или бога передавались те качества и приписывались те характеристики, которые почитались древними германцами. Но, с другой стороны, если потомком германца был достойный человек или бог, он должен поддерживать статус прославленного предка и соответствовать этому образцу. Кто-то может быть счастлив из-за богатства, которое имеет. Это утверждение Одина действует и в настоящее время. А другой будет счастлив от выполненной работы или от самого процесса работы.

Таким образом, Один говорит, что счастье для людей разное и находят они свое счастье в разном. Счастье для древнего германца не имеет определенных границ и германец может стать счастливым в любой сфере своей жизни, в том, что ему лучше удастся — воспитывать детей, укреплять семью, копить богат-

ства или просто работать. Один не определяет для германца те сферы, в которых он может достигнуть счастья. Он должен быть счастливым, а в чем — выбор за самим германцем. Так в данном партитиве варианта формулы проявляется основная особенность древнегерманского мировоззрения — **бог не заставляет героя следовать своим советам, он лишь предлагает то, что было бы наиболее приемлемо и правильно для германца, но в любом случае окончательный выбор всегда делает сам герой.**

В данной формуле с качественным значением ядра Один характеризует глупого человека в противопоставлении умному человеку. В связи с этим эталон поведения древнего германца вырисовывается с двух сторон — с одной стороны, определены черты, которыми он обладает и к которым, соответственно, должен стремиться каждый германец, а с другой стороны, определены черты, которыми обладает несоответствующий эталону человек, т.е. Один выстраивает в своих «Речах» типичное для всех культур противопоставление «должное-недолжное». Соответственно, германец стремится обладать «должными» характеристиками, и искоренять в себе такие черты, как: 1) неприятие своей судьбы; 2) страх перед окружающим миром; 3) неуважение к окружающим; 4) неосознание своих жизненных приоритетов и целей, непонимание своего предназначения; 5) неумение общаться с окружающими; 6) незнание жизни и неумение жить.

Литература:

1. Большой энциклопедический словарь: Мифология [Текст] / под ред. Е. М. Мелетинского. — М.: Советская энциклопедия, 1998. — 486 с.
2. Лорд А. Сказитель [Текст] / А. Лорд. — М.: изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1994. — 368 с.
3. Остин Дж.Л. Перформативы — констативы [Текст] / Дж. Л. Остин // Философия языка. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — С. 23–35.
4. Древнеисландско-английский словарь [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: <http://www.northvegr.org/zoega/index002.html>
5. Речи Высокого (Havamal) [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: <http://www.norse.narod.ru/edda/havamal.html>
6. Гуревич А.Я. Диалектика судьбы у германцев и древних скандинавов [Текст] / А.Я. Гуревич // Понятие судьбы в контексте разных культур. — М.: Наука, 1994. — С. 3–5.

4. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Структурно-композиционные особенности детективного жанра

Булычева Вера Павловна, преподаватель английского языка
Астраханский государственный университет

Детективный жанр в теории литературы определяется как художественное произведение, в основе сюжета которого лежит конфликт между добром и злом, реализованный в раскрытии преступления. Такой подход диктует основные черты детективной поэтики.

Ключевые слова: детектив, сюжет, жанр, герой, загадка, структура.

Тайны всегда вызывали особый интерес общества. Эту страсть ко всему загадочному человек пронес через всю историю своего развития и существования. Естественным образом мотив загадочности проник и в искусство, в том числе в литературу. Этим объясняется необычайная популярность детективного жанра. Сегодня полки книжных магазинов пестрят многочисленными образцами детектива. Одни из них изданы под именем сомнительных современных авторов, которые в погоне за прибылью выпускают по два десятка книг в год, другие принадлежат перу классиков жанра. Такой выбор зачастую вызывает недоумение читателя. Как отличить подлинную литературу от бульварной беллетристики? В чем задача детектива — дать отдых напряженному современному ритму жизни интеллекту читателя или, наоборот, заставить мозг поработать в поисках решения детективной загадки? Насущность этих вопросов подчеркивает актуальность темы данной статьи.

Мировая литература — от античной до современной — активно использовала загадку в качестве основы для сюжета. Именно детективный жанр, по определению В. Брюсова, стал «высшей формой загадки, иначе — уравнением с одним или несколькими неизвестными, которое предлагается решить читателю» [2].

В талантливых детективных историях читателю предоставляется возможность самостоятельно разрешить это уравнение при помощи предоставленных ему данных, что потребует определенной умственной работы. Таким образом, чтение детектива сродни решению хитрых арифметических задач.

Термин «детектив» (от «detego» — раскрываю, разоблачаю) был впервые введен американской писательницей Анной Кэтрин Грин (1846–1935), которую вполне заслуженно считают «матерью детектива». Ее первый детективный роман «Дело Ливенуортов», 1878 г., имел колоссальный успех. Будучи дочерью юриста, автор до тонкостей знала процедуру следствия и судебного дознания, а богатая фантазия позволяло ей придумывать страшные тайны и изощренные преступления. Агата Кристи признавалась.

К основоположникам жанра также принадлежит Э.А. По. В новеллах 1840-х годов он создал тип Великого Детектива, эксцентричного сыщика, наметил технику дедуктивного раскрытия преступления, многие сюжетные ходы (ложные ключи, наименее подозреваемый преступник, тайна запертой комнаты).

Произведения этих двух писателей оказали значительное влияние на выработку эстетики Конана Дойла. Новеллы об английском сыщике Шерлоке Холмсе быстро обрели всеобщую популярность и до сих пор заслуженно признаются классическим образцом детективного жанра.

Зять Конан Дойла Эрнест Уильям Хорнунг, с разрешения знаменитого родственника, создал зеркальное отражение Холмса и Ватсона в преступном мире — парочку мошенников, Раффлза и Банни.

Параллельно с развитием детективного жанра наблюдался небывалый рост криминалистической науки. Появились первые системы идентификации (по антропометрическим данным, фотороботам, дактилоскопическим отпечаткам); первые детекторы лжи. Кровь животных научились отличать от крови человека. Детективный жанр, как губка, впитывал эти открытия. Так, знакомство со знаменитым сыщиком с Бейкер-стрит происходит следующим образом: «Нашел! Нашел! — ликующе крикнул он, бросившись к нам с пробиркой в руках. — Я нашел наконец реактив, который осаждается только гемоглобином и ничем другим! — Если бы он нашел золотые россыпи, и то, наверное, его лицо не сияло бы таким восторгом» [4].

У Дойла фигурируют и другие удивительные достижения цивилизации: поезд, телеграф, моментальная фотография.

В целом авторы детективов — совершенно разные, непохожи люди. Элен Вуд, которая начала писать детективные рассказы со сквозными героями за

несколько лет до Конан Дойла, всю жизнь страдала от тяжелой болезни, но это не помешало ей родить пятерых детей и благополучно их содержать за счет своего литературного таланта. Гай Бутби родился в Австралии, странствовал, пережил много приключений и сумел удачно воплотить свои экзотические впечатления в блестящей литературной карьере — его детективные истории близки к плутовскому роману. Этот список можно долго продолжить. Причем биографии авторов зачастую кажутся еще более невероятными, чем приключения их героев [1].

Многие исследователи сходятся во мнении, что главной задачей детективных авторов, появившихся после Дойла, стало создание отличного от великого Холмса сыщика. Действительно, каких только образов не встретишь в мировой детективной литературе: сыщик-экстрасенс, сыщик — русский князь, старик, вечно сидящий в углу со стаканом молока и веревочкой, слепой сыщик, не говоря уж о бесчисленных дамах, проявивших недюжинные детективные способности [1].

Такие метания в поисках героя объясняются сравнительной молодостью детективного жанра, отсутствием устоявшихся канонов и литературного типа сыщика как такового.

Общими чертами героев признанных образцов детектива являются: непревзойденный ум, эрудиция, развитая интуиция, своеобразное чувство юмора, чудаковатость, граничащая с эпотажностью, решительность и самоуверенность.

Детективная литература поражает и жанровым разнообразием. Можно найти примеры таким разновидностям как [1]:

- детектив-«головоломка», иногда даже обходящийся без преступления;
- «готический» детектив с нагнетанием ужаса и якобы мистическими вкраплениями (от настоящей мистики данный вид далек — все загадки в нем должны иметь реалистическое объяснение);
- «плутовской» детектив — близкий родственник пикарески;
- «научный» детектив, в котором во главе угла стоит научный подход к расследованию;
- «перевернутый детектив», в котором читатель с самого начала знает отгадку и с высоты этого знания следит за ходом расследования Первооткрывателем этого поджанра считается Р. Остин Фримен;
- «леди-детектив», характерный для творчества писателей обоих полов;
- политический детектив, в основе сюжета которого лежит расследование политических преступлений или преступлений, совершенных политическими деятелями в рамках своей карьеры;

- полицейский детектив, в котором ведущая роль в расследовании отводится представителю или представителям закона;
- психологический детектив;
- шпионский детектив;
- фантастический детектив.

Иногда к детективным поджанрам относят криминальный роман. Следует заметить, что такая классификация весьма условна, поскольку зачастую детективная история носит синтетический характер, сочетая в себе признаки различных подвидов.

Детектив, относясь к жанрам массовой литературы, характеризуется следующими признаками:

- 1) высокая степень стандартизации;
- 2) развлекательная функция (детектив отвечает потребностям читателей отдохнуть и уйти от действительности).

Они и задают универсальную формулу детектива как художественного произведения, характерную для любого образца этого жанра. Литературная формула включает в себя традиционные способы описания неких конкретных предметов или людей, традиционные эпитеты, образы, стереотипные изображения персонажей, общую сюжетную схему. Такие формулы и ложатся в основу произведений массовой литературы, позволяя наиболее полно реализовать жанр. Детективная формула приобретает свое неповторимое наполнение в каждом конкретном произведении каждого конкретного автора.

В структуре детективного произведения традиционно выделяются три этапа: загадка (обычно это преступление), ход расследования и разоблачение (то есть раскрытие преступления). Эти элементы соответствуют свойственным любому художественному произведению завязке, кульминации и развязке. Их последовательность может быть нарушена, как это происходит в детективах-перевертышах.

Цель любой детективной истории — решение загадки, раскрытие преступления. В повествовании разворачивается логический процесс, посредством которого главный герой по цепочке фактов приходит к истине. Раскрытие преступления является обязательной единой развязкой детектива. Но ведущее место в нем все же отводится расследованию, поэтому описание характеров и чувств персонажей отходят на второй план.

Очень часто тайна разгадывается путем логических умозаключений на основании того, что известно и расследователю, и читателю.

Описанная композиционная структура детектива порождает следующую персонажную парадигму: с одной стороны — отрицательный персонаж (и) (преступник и его сообщники), с другой стороны — положительный герой (и) (расследователь, его помощники и заказчики расследования). Обе стороны связаны между собой цепью событий, фактов и явлений, так или иначе приводящих к раскрытию преступления, то есть к торжеству добра со злом. Заметим, что существует ряд детективных историй, в развязке которых выясняется, что очевидное, на первый взгляд, деление персонажей на «плохих» и «хороших» было ошибочным. Например, в тех случаях, когда преступник сам нанимает детектива, чтобы отвести от себя подозрение, быть в курсе расследования и при необходимости пустить следствие по ложному следу; или в полицейских детективах, когда один из сотрудников оказывается сообщником преступников.

Анализ структурных и сюжетных особенностей признанных образцов детективного жанра дает возможность выработать ряд канонов детективного произведения. Такую попытку предпринял С. С. Ван-Дайн в статье «Двадцать правил для написания детективных романов» [3]. Он предлагает создателям детективов ряд практических советов:

1. Читатель должен иметь равные с сыщиком возможности для разгадки тайны преступления (ключи к разгадке ясно обозначены).
2. Читателя нельзя умышленно вводить в заблуждение (кроме как в тех случаях, когда его вместе с сыщиком обманывает преступник).
3. В романе не должно быть любовной линии (только отдать преступника в руки правосудия).
4. Ни сам сыщик, ни кто-либо из официальных расследователей не должен оказаться преступником.
5. Преступник должен быть обнаружен с помощью логических умозаключений.
6. Детектив строит цепь своих умозаключений на основе анализа собранных улик.
7. Без трупа в детективном романе просто не обойтись.
8. Тайна преступления должна быть раскрыта сугубо материалистическим путем. Совершенно недопустимы такие способы установления истины, как ворожба, спиритические сеансы, чтение чужих мыслей, гадание с помощью «магического кристалла» и т. д. и т. п.
9. Должен быть только один главный герой дедукции.

10. Преступником должен оказаться персонаж, игравший в романе более или менее заметную роль, то есть такой персонаж, который знаком и интересен читателю.

11. Преступник должен быть человеком с определенным достоинством — таким, который обычно не навлекает на себя подозрений.

12. Сколько бы ни совершалось в романе убийств, преступник должен быть только один. Конечно, преступник может иметь помощника или соучастника, оказывающего ему кое-какие услуги, но все бремя вины должно лежать на плечах одного человека.

13. В детективном романе неуместны тайные бандитские общества, всякие там каморры и мафии.

14. Способ убийства и средства раскрытия преступления должны отвечать критериям рациональности и научности.

15. В любой момент разгадка должна быть очевидной — при условии, что читателю хватит проницательности разгадать ее.

16. В детективном романе неуместны длинные описания, литературные отступления на побочные темы, изощренно тонкий анализ характеров и воссоздание «атмосферы».

17. Вина за совершение преступления никогда не должна взваливаться в детективном романе на преступника-профессионала.

18. Преступление в детективном романе не должно оказаться на поверку несчастным случаем или самоубийством.

19. Все преступления в детективных романах должны совершаться по личным мотивам. Международные заговоры и военная политика являются достоянием совершенно другого литературного жанра — скажем, романов о секретных разведывательных службах.

20. Перечень некоторых приемов, которыми теперь не воспользуется ни один уважающий себя автор детективных романов. Они использовались слишком часто и хорошо известны всем истинным любителям литературных преступлений. Прибегнуть к ним — значит расписаться в своей писательской несостоятельности и в отсутствии оригинальности.

Следовать ли советам литературоведа или оставить их без внимания — каждый автор детективов решает самостоятельно, но сделаны они на основе анализа и обобщения текстов признанных лучшими образцами детективного жанра в мировой литературе.

Наличие стереотипной структуры и некоторой канонизации жанра отчасти облегчает, отчасти затрудняет работу писателя, ведь следование традициям

и канонам — это половина успеха; но с другой стороны — тем труднее за шаблонами не растерять авторскую индивидуальность.

Итак, детектив — один из самых популярных жанров массовой литературы. Как известно, спрос рождает предложение, этим обусловлен рост числа разновидностей детективного жанра в последние годы. Несмотря на сравнительную молодость жанра, в его истории было много выдающихся имен, таких как Эдгар Алан По, Конан Доил, Агата Кристи и многие другие.

В ходе работы над статьей, проанализировав тексты ряда признанных образцов мирового детектива можем сделать ряд выводов: детектив как жанр принадлежит к массовой литературе; во-вторых, для детектива характерна определенная композиционная последовательная структура: тайна, преступление (завязка) — ход расследования (кульминация) — разоблачение преступника (развязка); в-третьих, для детектива характерна четкая парадигма деления героев на положительных (расследователь и его сторонники) и отрицательных (преступник и его сообщники) героев. За полуторавековую историю жанр детектива подвергся некоторой канонизации, и существует ряд неписаных законов для мастеров детективного жанра в его классическом понимании.

Литература:

1. Борисенко А. Не только Холмс [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/1/bo7.html> (дата обращения 30.04.2013 г.)
2. Брюсов В. Miscellanea. Замечания, мысли о искусстве, о литературе, о критиках, о самом себе [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://dugward.ru/library/brusov/brusov_miscellanea.html (дата обращения 30.04.2013 г.)
3. Ван Дайн С.С. Двадцать правил для написания детективных романов [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://scriptmaking.ru/библиотека/189/42308/ван-дайн-сс-двадцать-правил-для-написания-детективных-романов.html> (дата обращения 30.04.2013)
4. Конан Дойл Эюд в багровых тонах [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://adelanta.info/library/detective/957.html?part=2&lan=&> (дата обращения 30.04.2013 г.).

Лексико-семантическое поле концепта «Бог» и языковые средства его реализации в романе Р.А. Анайи «Благослови, Ульtima!»

Павлова Дарья Дмитриевна, магистрант

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь)

Термин «концепт» уже достаточно длительное время используется учеными, работающими в русле когнитивной лингвистики (Н.Д. Арутюнова, А.Вежбицкая, Р.Лангакер, К.Годдард, Ю.С. Степанов, Р.М. Фрумкина, И.А. Мельчук). Однако до сих пор нет единого определения этого термина. Широкое использование термина «концепт» в лингвистике связано, прежде всего, со значительным расширением предметной области лингвистической семантики и её активного сотрудничества с другими науками. Результатом такого сотрудничества стало изменение трактовки сущности языкового значения и смысла, признание зависимости семантики языкового знака не только от лингвистических, но и энциклопедических знаний, от физического и интеллектуального опыта индивида.

Как подчеркивает О.А. Глинг, «в когнитологии концепт — оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [1, с. 40]. В данном исследовании за рабочее принимается определение Ю.С. Степанова, где концепт мыслится как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», «тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает слово» [4, с. 354]. По мнению этого исследователя, «в структуру концепта, с одной стороны, входит все, что принадлежит строению понятия; с другой стороны, к структуре концепта относится все то, что и делает его фактом культуры — исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки» [4, с. 355].

Как было отмечено выше, на лингвокогнитивном уровне структуры языковой личности (ЯЛ) единицами являются концепты, отношения между которыми выстраиваются в иерархически-координативные семантические поля, отражающие «картину мира». Под индивидуальной языковой картиной мира, вслед за В.А. Масловой, мы понимаем «модель мира, представленную в сознании личности системой концептов, выраженных средствами языка в определенный исторический период» [2, с. 41].

Изучая этнический дискурс на материале такого художественного произведения как роман «Благослови, Ультима!», необходимо учитывать художественный контекст его порождения, который включает сюжетно-событийную и образную составляющую произведения, его идейно-тематическое содержание и прагматический потенциал, функционально-коммуникативную структуру текста. Объектно-предметное поле исследования формируется лингвостилистическими средствами реализации этнокультурем — явлений и событий художественного произведения, обладающих этнокультурной значимостью и особой языковой формой выражения. В романе Р. А. Анайи этнокультуремы раскрываются через символы и другие виды тропов, особую лексику (испанские слова-варваризмы и реалии), концепты, характерные для языковой картины мира чикано («Природа», «Семья», «Бог»). Интерпретация этнического дискурса чикано базируется на рассмотрении основополагающих концептов в художественном произведении. В данном романе мы выделили три основных концепта для подробного анализа лексико-семантического поля: «Природа», «Семья», «Бог». В семантике концептов закодированы высшие ценности культуры чикано, их особое аксиологическое отношение. Исследовав ЛСП данных концептов, мы выявили их значимость, определяемую количеством и частотностью лексических единиц, формирующих их структуру.

Концепты являются неотъемлемой частью языковой картины мира этноса, поэтому их изучение проливает свет на специфику этнического дискурса. Язык, как известно, теснейшим образом связан с менталитетом, культурой, традициями его носителей, которые находят отражение в системе языка. Используя такие методы исследования, как интерпретация, контекстуальный анализ, наблюдение за частотностью языковых единиц, стилистический анализ, мы пришли к заключению, что в языковой картине мира чикано, отраженной в структуре романа «Благослови, Ультима!» доминируют 3 концепта, которые наиболее важны для самоидентификации данной этнокультурной группы: это «Природа», «Семья», «Бог». Для определения состава лексико-семантического поля (ЛСП) этих концептов мы использовали данные идеографического словаря-тезауруса «Roget's Thesaurus of English Words and Phrases» [6].

В результате проведенного лингвистического исследования становится возможным определить состав и структуру ЛСП концепта «Бог» [52, с. 156, 965], являющейся основой для интерпретации языковой картины мира таких персонажей произведения как Мария Луна, Антонио Марец и Габриель Марец на лингвокогнитивном уровне структуры языковой личности. По трак-

товке С. И. Ожегова, «Бог — в религии: верховное всемогущее существо, управляющее миром; в христианстве: триединое божество, творец и всемогущее мировое начало» [3, с. 52].

В состав ЛСП «Бог» нами было отобрано около 80 лексических единиц. Ядерную зону ЛСП «Бог» составляет лексема «Бог» (*God*) (50%) в значении 'триединое божество, творец и всемогущее мировое начало':

1. «*Thank God you are home safe,*» *my mother said. «I must give thanks to the Virgin — »* [5, с. 182];
2. «*Would they smile when they learned I doubted the God of my forefathers, the God of the Lunas, and knew I praised the beauty of the golden carp?*» (с. 257);
3. «*God was not always forgiving. He made laws to follow and if you broke them you were punished.*» (с. 44);
4. «*But it was not until communion — it was not until we finally took God into our mouth and swallowed Him — that we were free of that sin and free of the punishment of hell.*» (с. 44);
5. «*The power of God is so great. All you have to do is to lift up your right hand and cross your right thumb over your first finger in the form of the cross.*» (с. 55);
6. «*Take the llano and the river valley, the moon and the sea, God and the golden carp — and make something new,*» *I said to myself. That is what Ultima meant by building strength from life.*» (с. 247);
7. «*Why had the power of God failed to cure my uncle?*» (с. 107).

Околоядерную зону ЛСП «Бог» составляют:

1) 1) Синоним или лексико-семантический вариант (ЛСВ) имени поля «Бог»:

ЛСВ — 1 Иисус (*Jesus*) в значении 'триединое божество, творец и всемогущее мировое начало' (20%):

1. «*Thank Jesus for your safe delivery,*» *she said and stood up.* (с. 62);
2. «*Jesus, Maria y Jose,*» *my mother prayed.* (с. 78);
3. «*¡Antonio!*» *my mother cried. «Ay, Jesus, Maria y Jose — »* (с. 171);
4. «*There will be no breakfast this morning,*» *my mother said as we gathered around her, «today we will all go to communion. Men walk the world as animals, and we must pray that they see Jesus's light.*» (с. 84);
5. «*And to my sisters she said, «Today you will offer up half of your communion for your brothers, that Jesus bring them home safely, and half — for what happened last night.*» (с. 64).

Периферийную зону ЛСП «Бог» образуют следующие лексические единицы:

а) личное местоимение *Он* в именительном (*He*) и объектном падежах (*Him*) (10%):

1. «*God was not always forgiving. He made laws to follow and if you broke them you were punished. God had power. He spoke and the thunder echoed through the skies. He created you. He could strike you dead. But He was a giant man, and she was a woman. She could go to Him and ask Him to forgive you.*» (с. 44);

2. «*But it was not until communion — it was not until we finally took God into our mouth and swallowed Him — that we were free of that sin and free of the punishment of hell.*» (с. 44).

б) религиозные слова-реалии (20%):

1. «*Ave Maria Purissima,» my mother made the sign of the cross for my three brothers who were away at war.* (с. 67);

2. «*I waited until my mother was in the sala then I dressed and slipped downstairs. I glanced down the hall and saw candlelight flickering from the sala. That room was never entered unless there were Sunday visitors, or unless my mother took us in to pray novenas and rosaries for my brothers at war.*» (с. 17);

3. «*Aleluya! Aleluya! Aleluya!*» (с. 190);

4. «*Jesus, Maria y Jose,» my mother prayed.* (с. 123);

5. «*So Christmas came and went. We had a small tree and we got clothes for presents, but the most important thing was going to visit the Nativity scene at the church and going to la misa de gallo, midnight mass.*» (с. 178).

Таким образом, исходя из количества лексических единиц ЛСП «Бог», можно сделать вывод о том, что концепт «Бог» является третьим по частотности в произведении Р. А. Анайи «Благослови, Ультима!» (см. Рис. 1).

Он строится на основе лексического значения ключевого слова Бог (*God*), которое номинирует данный концепт. Околоядерную зону ЛСП «Бог» составляет синоним или лексико-семантический вариант (ЛСВ) имени поля «Бог» Иисус (*Jesus*). Периферийную зону ЛСП «Бог» образуют следующие лексические единицы: а) личное местоимение *Он* в именительном (*He*) и объектном падежах (*Him*); б) религиозные слова-реалии. Следует подчеркнуть, что концепт «Бог» выражен в романе Р. А. Анайи как эксплицитно, так и имплицитно. Имплицитный способ реализации концепта отражен при образовании периферийной зоны ЛСП посредством употребления личного местоимения *он*

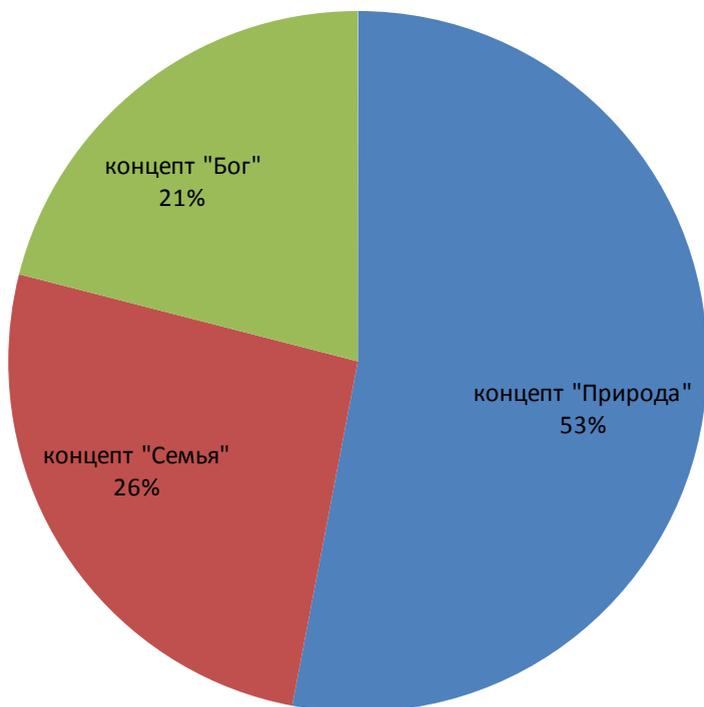

Рис. 1. Частотность концептов «Природа», «Семья», «Бог» в романе Р.А. Анайи «Благослови, Ульtima!»

в именительном (*He*) и объектном падежах (*Him*). В результате актуализируется индивидуальный авторский смысл данного слова: подразумевается сравнение Бога с обыкновенными людьми.

Литература:

1. Глинг О.А. Введение в литературоведение / О.А. Глинг. — Москва: Наука, 1999. — 446 с.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. — Москва: Академия, 2001. — 208 с.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. — Москва: Ити технологии, 2005. — 940 с.

4. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. — Москва: Академический проект, 2001. — 990 с.
5. Anaya R.A. Bless me, Ultima / R.A. Anaya. — New York: Grand Central Publishing, 1972. — 262 p.
6. Kirkpatrick B.D. Rogets's Thesaurus of English Words and Phrases / B.D. Kirkpatrick. — London: Longman group, 1987. — 1086 p.

5. ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Синтаксически связанная конструкция английского языка «sit [stand, lie] + and + V»: структурный и семантический аспекты

Гурикова Юлия Сергеевна, аспирант
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

В современных языках мира широко распространены специфические типы конструкций, получивших в русской лингвистике название «синтаксические фразеологизмы». Данные построения являются одновременно и единицами синтаксиса, и фразеологии. Такие конструкции являются «результатом своеобразной лексикализации отдельных синтаксических конструкций, имеющих (именно как конструкции, а не сочетания каких-то конкретных слов) фразеологический характер» [1, с. 327]. Это синтаксические построения, которые передают дополнительные элементы значения при помощи всей своей структуры, а не лексического наполнения [2].

В русской лингвистике выделяют различные типы подобных конструкций. «Следует различать фразеологизированные конструкции, организованные по модели простого предложения и по модели сложного предложения» [3, 202]. Также были выделены различные типы синтаксических фразеологизмов на уровне предложения: фразеосхемы, коммуникемы, устойчивые модели и устойчивые обороты [4]. Однако синтаксические фразеологизмы существуют не только на уровне предложения, но и на уровне словосочетания. Но пока что не было проведено системного исследования, посвященного именно СФЕ на уровне сочетаний слов.

В связи с этим возникла необходимость глубокого и разноаспектного описания синтаксически связанных конструкций. В нашей статье мы анализируем одну из таких конструкций, представленную в английском языке, — конструкцию с опорным компонентом глаголом положения в пространстве: «sit [stand, lie] + and + verb». Этим и определяется актуальность исследования.

Такая конструкция всегда состоит из трех компонентов: неизменяемого глагольного (опорного) компонента, союза *and* и изменяемого глагольного компонента — собственно смыслового глагола.

В качестве неизменяемого компонента в данной конструкции выступают глаголы, обозначающие положение в пространстве, такие как *sit, stand, lie*. Как отмечает А. И. Смирницкий, лексическое значение глаголов положения в пространстве в подобных случаях ослаблено, поэтому данные слова являются «недостаточно полнозначными» [5, 117]. Глаголы, способные выступать в качестве опорного компонента синтаксически фразеологизированной конструкции «*sit [stand, lie] + and + V*», обладают конкретным семантическим наполнением. Они обозначают реальный процесс — нахождение субъекта в определенном положении в пространстве. Однако сам процесс не важен для смысла высказывания. Значимым является действие, которое производится одновременно с ним и обозначается вторым глаголом. Поэтому, несмотря на то, что значение положения в пространстве опорного компонента сохраняется, оно отходит на второй план, а собственно действие, выраженное смысловым глаголом, интенсифицируется. В целом, конструкция включает в себя два глагола, но обозначает не два действия, а одно действие, осуществляемое при определенных условиях. Отсюда можно заключить, что значение опорного компонента частично деактуализуется в составе конструкции.

Наиболее распространенным глаголом положения, используемым в данной конструкции, является глагол *sit*. Глаголы *stand* и *lie* употребляются в конструкции реже. Выбор того или иного глагола никак не влияет на фразеосинтаксическое значение конструкции, которое всегда остается неизменным, независимо от вариантов наполнения конструкции. Однако выбор глагола частично влияет на лексическое значение фразеологизированной конструкции, так как опорный компонент уточняет конкретное расположение субъекта в пространстве в момент выполнения действия.

Связанный характер конструкции, частичная деактуализация опорного компонента, его тесная связь с изменяемым глагольным компонентом являются причиной того, что грамматическая парадигма конструкции неполная. Неизменяемый глагольный компонент, выбор формы которого напрямую зависит от изменяемого компонента, может быть представлен лишь некоторыми грамматическими вариантами: инфинитивом, настоящим простым временем 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа, третьего лица множественного числа, прошедшим временем, повелительным наклонением.

Употребление конструкции в форме Continuous встречается крайне редко, так как основная функция данной грамматической формы — обозначение длительности действия, а анализируемая конструкция уже сама по себе выражает значение длительности, протяженности во времени и не требует дополнительных формальных репрезентантов данного грамматического значения.

Изменяемый глагольный компонент конструкции лексически свободно варьируем. Однако наблюдается тенденция частотного употребления глаголов определенных семантических групп в данной позиции. Это глаголы чувственного восприятия (*watch, monitor, stare, gape, listen, look*), умственной деятельности (*think, reflect*), говорения (*gossip, talk*) и глагол *wait*. Глаголы этих групп обозначают пассивные виды деятельности, которые часто соотносятся со значением глагола *sit*. Глаголы других тематических групп также могут употребляться в данной конструкции, но встречаются здесь значительно реже.

Второй глагольный компонент может состоять из одного слова (глагола) или из нескольких слов, если он выражен связкой и прилагательным, фразовым глаголом или комбинацией слов. Например:

Then Scrubb sat and took care of it while Jill went and had some sort of wash — not a very nice one — in the nearest channel. /C. S. Lewis. The Chronicles of Narnia. The Silver Chair/ • *Потом Ерш сел присматривать за костром, а Джил без особого восторга отправилась умываться к ближайшей протоке.* /пер. Г. А. Островской/.

Изменяемый глагольный компонент обозначает собственно действие, которое в дальнейшем подвергается интенсификации в составе конструкции. Поэтому он является семантическим центром конструкции.

Изменяемый опорный компонент согласуется с подлежащим и другими членами предложения. Однако его морфологическая парадигма неполная и представлена формой инфинитива, настоящего времени 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа, а также третьего лица множественного числа, прошедшего времени, повелительного наклонения.

Союз-связка в конструкциях с глаголами положения в пространстве обязателен. Без него употребление конструкции невозможно, так как разрушается смысл высказывания в целом (Ср.: *they sat and were afraid — they sat were afraid; Hagrid stood and looked at them — Hagrid stood looked at them*)

Порядок следования компонентов строго закреплён. Неизменяемый компонент — глагол положения в пространстве — занимает препозицию, за ним следует союз *and*. В постпозиции находится изменяемый компонент — смысловой глагол.

Значение конструкции состоит из двух компонентов: лексического и фразеосинтаксического. Лексическое значение передается при помощи изменяемого глагольного компонента, обозначающего собственно действие или состояние, а также частично при помощи неизменяемого компонента. Неизменяемый компонент частично десемантизирован, так как выражаемое им значение оказывается незначимым для коммуникативного смысла высказывания и отходит на второй план. Но сема, уточняющая положение субъекта в пространстве, по-прежнему актуальна в его содержании. Поэтому лексическое значение конструкции представлено действием или состоянием, производимым в положении «сидя».

Фразеосинтаксическое значение конструкции не выводимо из лексем, составляющих ее. Оно передается структурой конструкции, совокупностью обязательных компонентов в необходимой грамматической форме, а также особыми отношениями и связями между компонентами. Фразеосинтаксическое значение конструкции «**sit [stand, lie] + and + V**» представлено как обязательными элементами, так и факультативными варьируемыми семами. Обязательными элементами являются сема экспрессивности («экспрессема»), сема интенсивности и акцентуации («интенсема»), сема сниженной стилистической маркированности («стилема») и сема «длительности протекания действия». Факультативные семы конструкции включают в себя эмоционально-оценочную сему, которая часто реализуется как сема «осуждение безделья», и сему «безнадежность». Для побудительных предложений с опорным компонентом глаголом **stand** типична сема «вызов кому-/чему-либо». В данном случае **stand** обозначает не процесс (have an upright position — стоять), а изменение положения (maintain an upright position — вставить)

В целом же выбор определенного варианта опорного компонента не приносит никаких изменений во фразеосинтаксическое значение конструкции, так как это значение передается конструкцией в целом. Варианты конструкции с опорными компонентами **stand** и **lie** характеризуются наличием идентичных обязательных и факультативных сем фразеосинтаксического значения. Например:

*A few garbled radio transmissions, hysteria, and silence. And you **sit and talk** about riddles. /G. Martin. Tuf voyaging — 3. Guardians/ • Несколько искаженных радиосигналов, истерия, а потом — тишина. А вы **сидите тут и рассказываете** о загадках. /пер. О. Колесников/.*

В данном предложении значение глагола **sit** частично деактуализировано. Положение в пространстве не является значительным для смысла высказы-

вания. Данный глагол придает динамизм описываемой ситуации, интенсифицирует действие, выражаемое смысловым глаголом *talk*, тем самым еще больше подчеркивая его бессмысленность. Такая формально-смысловая комбинаторика данных компонентов в составе фразеологизированной конструкции подчеркивает раздражение говорящего, вызванное бездельем определенных лиц (*сидите — ничего не делаете*). Однако представление о категориальной принадлежности неизменяемого компонента остается по-прежнему ясным. Формальные показатели и типичность использования данного слова в функции определенной части речи обеспечивают автоматическое ассоциативное отнесение слова *sit* к глаголу. Основным значением глагола как части речи является значение действия или процесса. Несмотря на частичную деактуализацию неизменяемого компонента, сема «действие» всегда является его неотъемлемой частью. Так как изменяемый компонент также всегда выражен глаголом, ему тоже присуща сема «действие». Сема «действие» неизменяемого компонента апплицируется на значение изменяемого смыслового компонента. Таким образом, сема «действие» дублируется в составе конструкции, интенсифицируя и акцентируя значение смыслового глагола *talk*. Отсюда в означаемом конструкции появляется «интенсема».

Интенсификация не является основной функцией глагола *sit* и не входит в состав его лексического значения. Кроме того, факультативные элементы значения, возникающие в конструкции, также не выражаются ни одним из компонентов построения. То есть такая семантическая реализация лексем, входящих в конструкцию, не характерна для нормированного языка, зафиксированного словарями. Значит, сфера употребления конструкции ограничена разговорным типом речи. Ненормированность данной конструкции в плане организации ее формы и содержания обуславливает ее сниженную стилистическую маркированность.

К тому же, конструкция обладает семой «длительности» действия, никак не выраженной грамматически. Конструкция как раз и передает недовольство затянувшимся длительным действием «*разговариваете*», которое расценивается как безделье. Грамматически верно в подобном предложении было бы употребление времени Present Continuous в том случае, если бы сказуемое было свободным, а не синтаксически связанным. Данная форма позволяет не только подчеркнуть прогрессивность и длительность действия, но и эмоциональные переживания говорящего. В данном же предложении нет необходимости в использовании данной формы, так как конструкция сама по себе выражает как длительность, так и повышенную эмоциональность.

«Интенсема», «стилема», сема «длительности», никак не выраженные лексическими средствами, способствуют повышению выразительности конструкции, то есть продуцируют сему экспрессивности («экспрессему»).

Таким образом, в анализируемом предложении реализуются все обязательные компоненты фразеосинтаксического значения данной конструкции.

Из факультативных сем в анализируемом предложении представлена эмоционально-оценочная сема, которая выражает негативную оценку, недовольство, раздражение, а также сема негативной оценки действия смыслового глагола. Разговорный характер конструкции и ее эмоциональность подчеркиваются строем всего предложения. В английском языке строго не рекомендуется начинать предложение с союза **and**. Считается, что подобные предложения выражают неполную мысль и нарушают правила грамматики. Но авторы и носители языка использовали данное отступление от нормы на протяжении веков в целях создания эмфатического эффекта.

Однако иное контекстное окружение и лексическое наполнение конструкции способствует образованию других факультативных сем. Например:

Filch took them down to Professor McGonagall's study on the first floor, where they sat and waited without saying a word to each other. /J. K. Rowling Harry Potter and the Sorcerer's Stone/ • *Филч отвел нарушителей в кабинет профессора МакГонагол на первом этаже, где они сидели и ждали своей участи, не произнося ни слова.* /пер. М. Спивак/.

В данном предложении конструкция выражает присущие ей обязательные компоненты фразеосинтаксического значения: «интенсему», «стилему», «экспрессему», сему «длительность». Кроме того, конструкция приобретает факультативную сему «безнадежность». Реализация данной семы типична в случаях, когда изменяемый компонент выражен глаголом **wait**. Например:

As Ekstrom sat and waited for his cue, he felt a cavernous shame settling inside him. He'd known he would feel it. He'd been expecting it. /Dan Brown. Deception Point/ • *Экстром сидел перед камерами, дожидаясь (сидел и ждал) своей очереди. В душе его рос едкий, давящий стыд. Он знал, что так все и случится. Ожидал этого.* /пер. Т. А. Осиной/.

Сам по себе глагол **wait** выражает просто ожидание без указания на эмоциональное состояние субъекта или негативную оценку ожидаемого события: *wait* — stay where one is or delay action until a particular time or event *ждать* — оставаться где-либо, или откладывать действие до определенного времени или события. Однако при аппликации модально-оценочной семы конструкции, представленной недовольством и негативным отношением говоря-

шего к происходящему, на значение глагола *wait* автоматически продуцируется сема «неизбежности, безнадежности». Таким образом, в данном случае реализация факультативной семы зависит от семантики изменяемого глагольного компонента.

Тип предложения также влияет на реализацию одной из факультативных сем, а именно семы «вызова». Например:

So they got their cloaks from their dormitories and set off through the portrait hole («Stand and fight, you yellow-bellied mongrels!»), down through the empty castle and out through the oak front doors. /J. K. Rowling. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban/ • *Друзья сходили за мантиями, вышли сквозь портретный проход («К барьеру, гнусные желтопузики!») - крикнул сэра Кэдоган вдогонку) и пошли по опустевшему замку, их шаги гулко отдавались в коридорах. Миновали дубовые двери и вдохнули свежий морозный воздух.* /пер. М. Литвиновой/.

Сема «вызова» реализуется только в побудительных предложениях. В таких предложениях сказуемое и так уже выражает побуждение. В случаях, когда сказуемое выражено синтаксически связанной конструкцией «**sit [stand, lie] + and + V**», побуждение интенсифицируется, получает дополнительную эмоциональную окраску и выражает отрицательную оценку адресата говорящим. Под влиянием данных процессов побуждение трансформируется в дерзкий вызов.

Итак, конструкция с частично деактуализированным компонентом, выраженным глаголом положения в пространстве, «**sit [stand, lie] + and + V**» широко представлена в современном разговорном английском языке.

Конструкция состоит из трех компонентов. Первый компонент — обязательный неизменяемый глагол со значением «положения в пространстве». Он представлен всего лишь тремя лексическими вариантами — глаголами *sit*, *stand* и *lie*. Второй компонент конструкции — союз *and*. Бессоюзных конструкций в английском языке обнаружено не было. Третий компонент — изменяемый глагольный компонент (смысловой глагол). Данный компонент является семантическим центром конструкции, потому что выражает собственно действие, которое производится субъектом, интенсифицируется, эмоционально окрашивается или оценивается говорящим.

Значение конструкции состоит из двух частей: собственно лексического и фразеосинтаксического. Собственно лексическое значение выражается смысловым глаголом и является переменным. Фразеосинтаксическое значение присуще самой синтаксической структуре и является постоянным. Фразеосинтаксическое значение конструкции представлено четырьмя обязатель-

ными компонентами: «интенсемой», «стилемой», «экспрессемой» и семой «долгота действия». Кроме этого, в конструкцию входят факультативные семы «безнадежность», дерзкий «вызов», эмоционально-оценочная сема, в основном выступающая как негативная оценка какого-либо действия, расцениваемого как «безделье».

В целом, конструкция типична для разговорного английского языка, отличается ярко выраженной экспрессивностью и эмоциональностью.

Литература:

1. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика /Д.Н. Шмелев М., 1977. 335 с.
2. Меликян В.Ю. Этикетные коммуникемы в системе русского языка // Русский язык за рубежом. 2012. № 6.
3. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-на-Дону, 1964. 260 с.
4. Меликян В.Ю. Синтаксические фразеологические единицы русского языка // Русский язык в школе. 2010. № 11.
5. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М, 1957. 284 с.

Национальный язык в русскоязычной прессе (на примере газет КБР)

Калажокова Регина Зауровна, магистрант

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
(г. Нальчик)

Регionalная русскоязычная пресса, издаваемая в полилигвальных республиках, отличается, по нашим наблюдениям, наличием слов, словосочетаний и предложений из национальных языков. Этнический фактор в таких регионах РФ является важным элементом, который необходимо учитывать издателям периодики. Вопросы, связанные с использованием подобных конструкций на страницах республиканской прессы в Кабардино-Балкарии, и стали основой данного исследования.

Актуальность работы обуславливается отсутствием результатов исследований по данной теме в научной литературе. Русский язык — государственный язык для общения в многонациональной РФ. В Кабардино-Балкарской республике в качестве государственных выступают три языка: русский, кабардинский и балкарский. Печатаются газеты на всех титульных языках республики. В данной статье рассматриваются русскоязычные издания.

Объектом исследования являются конструкции из национальных языков республики, встречающиеся в газетах «Кабардино-Балкарская правда» (КБП), «Газета Юга» (ГЮ) и «Горянка».

Цель исследования состоит в выявлении и описании конструкций из национальных языков в русскоязычной прессе КБР.

Тематика газетных статей, в которых встречаются лексические единицы национальных языков, весьма разнообразна. Чаще всего используются такие слова и словосочетания в статьях, посвященных традициям и обычаям народа. Обычно это традиции, связанные с застольем, свадьбой, различными праздниками, а также предметы быта:

*«В назначенный день родня невесты приезжает в дом жениха **баи ау алыргъа** «снимать покрывало», **ачыкъ этерге** «открывать, показывать невесту» и т. д». (ГЮ № 44 1.11.2012).*

*«На конкурс свадебной атрибутики школа Безенги представила **Гяпчи** — шуту в маске козла, который перед свадьбой ходил по селу и оповещал о празднике» (ГЮ № 39 27.09.2012).*

*Плеть (**щЮпц**) подарена деду Беталом Калмыковым» (ГЮ № 48 29.11.2012).*

Топонимы, или географические названия, также являются распространенным явлением на страницах местных газет. Топонимы дают нам возможность установить родственные отношения одного этноса с другим, с их помощью мы узнаем о былой природе мест, о том, с какими преданиями связывали люди окружающие их названия:

*«В минувшую субботу на своем традиционном собрании члены народного коллективного сельхозпредприятия **«Шэджэм» (г. Чегем)** подвели итоги работы ...» (КБП № 11 23.01.2013).*

*«Во времена колхозов скот и лошадей отгоняли на Зольские пастбища **«Къущьэхъу»**. Сначала туда отправлялись 10 чабанов строить шалаш (**пцыIэ**)» (ГЮ № 38 20.09.2012).*

Помимо географических названий встречаются словесные обозначения флоры и фауны данной местности:

«**Блэаму** — болиголов пятнистый: от слова *аму* — съедобная трава, а *блэаму* — змеиная *аму* — указывает на вид несъедобный» (ГЮ № 36 6.09.2012).

«К глубокой древности восходит, вероятно, олицетворение смерти в образе белой змеи (**акъ жилиян**), но гораздо чаще — *рыси*». (ГЮ № 1 04.01.2013).

В некоторых случаях для обозначения определенной книги, фильма, песни или танца приводится название на национальном языке, которое тут же переводится автором:

«Он сам порекомендовал мне книжку **«ГушыШалъэ» («Ларец со смехом»)**, которая стала для меня одной из самых родных в те годы». (Горянка № 2 11.01.2013).

«Мы представили балкарские танцы **«Голу»**, **«Абзех»**, **«Тюз тепсеу»** и шуточный номер **«Сенокос»**» (ГЮ № 38 20.09.2012).

«Моя мать исполняла на гармошке **«Песню чабана» («Мэлыхъуэ уэрэд»)**» (ГЮ № 38 20.09.2012).

Языковые конструкции из национальных языков могут выступать в форме слов, словосочетаний и предложений. Иногда авторы вводят в текст целый глоссарий. Предложения с одним словом на национальном языке наиболее распространены в местных газетах:

«80-летняя **Фатимат Хуламханова** из **Безенги** с внучкой исполнила **инарла** — балкарские частушки, которые придумываются по ходу исполнения». (ГЮ № 39 27.09.2012).

«**Заур Налоев** пишет, что среди адыгов не было такого, кто не знал, как произносить **хъуэхъу** (тост, здравицу)» (ГЮ № 2 10.01.2013).

Различные обозначения из жизни народа также могут выражаться и в форме словосочетания, и целого предложения:

«У него впервые наяву увидел, как делается пестрое железо — **жохар темир**, как называют его балкарцы». (ГЮ № 5 31.01.2013).

«У адыгов есть выражение, характеризующее невоспитанных женщин: **«Щыху къэгъэпцІэкІэ ищІэркъым» («Не знает, как обмануть (расположить) к себе человека»)**». (Горянка № 6 6.02.2013).

Интересными представляются случаи введения в газетные статьи глоссария, состоящего из слов на национальных языках:

«**...Зульми (Зулимэ)** — от **«зулюм»** — «несчастье», «беда»; в общем смысле «угнетение», «несправедливость».

Къафэлгэжъ «кафа» — кабардинский национальный танец, -плэ «место», -жь [ы] «старое» — место на вершине горы Кизбрун.

Кизбрун-гора над юго-восточной частью Кизбруна II, имеющая скалистый бурый уступ». (ГЮ № 3 17.01.2013).

Способы введения в текст национальных слов различны. Их вводят чаще всего путем транслитерации, то есть перевод дается после слова в скобках:

«О злом, вредном человеке кабардинцы говорят: блэ зэраукIа баш (как та палка, которой убили змея), блэ узным хуэдэ (словно ядовитая змея), блащхъуэжъей хуэдэ (подобно змее)» (ГЮ № 1 04.01.2013).

«У адыгов были хъуэхъу-сэламхэр (здравицы-приветствия)» (ГЮ № 2 10.01.2013).

Перевод национального слова или словосочетания довольно часто заключают в кавычки:

«Про женщин, которые часто употребляли в своей речи проклятия, балкарцы говорили «ачы тилли» — «горький, лютый язык»». (ГЮ № 40 4.10.2012).

«Акъ уран, ахургъан можно перевести как «поражающая душу» или «белая змея» (ГЮ № 1 04.01.2013).

Нередки случаи перевода слова в кавычках и в скобках одновременно в рамках одного предложения:

*«Сейчас мало кто знает, что называется это ремесло **Иуданэтешэ (буквально — «наложение нити»)**» (Горянка № 6 6.02.2013).*

*«Так как «жан» в переводе с кабардинского означает «острое», а «шерх» — «колесо», получаем — острое колесо. Встречается и перевод «стальное колесо», хотя «сталь» по кабардински «жыр» (**жыр лэныштэ — стальные ножницы**)» (ГЮ № 5 31.01.2013).*

Встречаются и так называемые лексические кальки, то есть использование национальных слов без перевода:

*«После обряда **унэишэ** свекровь смазала медом губы невесты» (ГЮ № 36 6.09.2012).*

*«В честь праздника Залина Теммоева приготовила **Чюгюндюр хычин** по старинному рецепту». (ГЮ № 36 6.09.2012).*

Заголовки современных газетных статей, как известно, помимо информативной функции, выражают также оценочное, субъективное отношение автора. Заголовок подготавливает к пониманию текста, с другой стороны, он может восприниматься совершенно другим образом после прочтения текста.

Оценивая ситуацию, заголовок формирует у читателя определенное отношение к явлениям реальности. Заголовок воздействует на читателя, убеждает его через факты (представленные в заглавии) и через авторскую оценку этих фактов. Заголовок не только ориентирует в этих событиях, но и стремится повлиять на мнение читателя. В подходе к заглавиям в их отборе и оценке всегда обнаруживается нравственная позиция автора, которая привносит в высказывания эмоциональный элемент.

Использование элементов из национальных языков республики находит свое отражение в заголовках местных газет. Такие названия статей в большинстве случаев становятся понятны лишь читателям, населяющим данный регион. В связи с этим можно предположить, что основная функция газетного заголовка, а именно, прагматическая функция, не может быть реализована в том случае, если адресатом является житель другого региона. Прагматическая функция выражается в непосредственном воздействии на читателя с тем, чтобы заставить его принять то или иное субъективное мнение в отношении сообщаемой ему информации. Но для человека, незнакомого с национальными языками республики, будет неясна тематика статьи, а также скрытые подтексты заголовка, вследствие чего читатель не сможет выразить своего отношения к сообщаемой информации, заключенной в заголовке.

Так, например, для понимания следующих заголовков знание национальных языков становится обязательным:

«Дауэ уцыт, Генацвале?» (КБП № 193 3.10.2012).

Кулинарная статья, посвященная грузинской кухне. Данный заголовок актуализирует идею материала. Содержит элементы, которые логически вытекают из сказанного, но в самом тексте не выражается вербально.

«Дыцэидэ» ради сохранения и возрождения старинного ремесла» (Горянка № 6 6.02.2013).

Рассказывается о книге сестер Дышек, посвященной золотошвейному искусству.

«Куйцук» закрыл сезон» (КБП № 146 4.08.2010).

В Кабардинском драматическом театре под занавес сезона состоялась премьера сказки «Куйцук».

«Билляча» и «Золотой ларец» для маленьких зрителей» (КБП № 42 3.03.2012).

Сообщается о детских телепередачах на балкарском и русском языках.

«Хабала и Хабаша» (КБП № 220 22.11.2011).

Премьера музыкальной комедии на сцене Кабардинского госдрамтеатра им. Али Шогенцукова.

«Положение конкурса молодых писателей «Гугъэ» (Горянка № 11 13.03.2013).

Тема статьи полностью отражена в заголовке.

В отдельных случаях, толкование лексемы национального языка приводится в самом заголовке:

«Жюрек-таш — камень-сердце» (КБП 10.11.2012).

Заметка рассказывает об уникальных камнях, необычных по своей форме, найденных на территории КБР.

«Акъ байрам» — белый праздник» (КБП № 2 10.01.2013).

О новогоднем концерте в Балкарском театре

«О фамильном имени Дыктынэ (Дикинов)» (КБП № 145 27.07.12).

Заголовок полностью отражает тему статьи, в которой рассказывается о фамильном имени.

Самым распространенным отображением национального компонента в заголовках местных газет является использование топонимов:

«Гуляли Псыгансу и пол-Чегема» (КБП № 136 6.08.2011).

Заметка об одновременной женитьбе двух родных братьев. Один из братьев женился на девушке односельчанке (из Псыгансу), а второй — на девушке из Чегема.

«О чем молчал матрос из Жемталы» (КБП № 172 31.08.2012).

В заметке сообщается от имени матроса о тайне гибели линкора «Новороссийск».

«Фейерверк на берегах Куркужина» (КБП № 189 26.09.2012).

О сходе рода Кочесоковых. В данном заголовке на первый план вынесена второстепенная деталь, лишь вскользь упоминаемая в статье. Основная тема — сход рода Кочесоковых — в заголовке не отображена.

«Залукокоаже и Кашхатау поменяют статус» (КБП № 197 9.10.2012).

Данный заголовок так же, как и предыдущий, отмечает отдельный факт статьи, не раскрывая тему в целом. Заметка посвящена очередному собранию президиума Парламента КБР, на котором наряду с другими многочисленными задачами, предлагалось поменять статус Залукокоаже и Кашхатау с городского поселения на сельское.

«На кызбырунских холмах» (КБП № 209 26.10.2012).

О монументе, установленном на кызбырунской земле.

Нередки включения в заголовки названий ансамблей, творческих кружков, групп:

«День рождения «Намыса» (КБП № 237 12.12.2012).

Национально-культурный центр отмечает четырнадцатилетие со дня своего основания.

«Сочинский успех «Шикапишны» (КБП № 4 12.01.2013).

Заметка сообщает о победе ансамбля в конкурсе сценического искусства.

Проанализировав заголовки местных газетных статей, можно сделать вывод о том, что в них несомненно отображается национальный компонент региона. Темы статей могут раскрываться полностью в заголовке, частично, либо же названия заметок становятся понятны лишь после прочтения всего текста.

Особенности нашей республики требуют пристального внимания к вопросам, связанным с культурой, традициями его многонационального и поликультурного населения. В этих условиях становится неудивительным обращение к региональной лексике в СМИ. Использование таких языковых единиц позволяет выявить культурное своеобразие региона.

В полиэтническом обществе обращение к национальным языкам данного региона позволяет выявить его культурное своеобразие, влияние других языков и культур. Использование таких конструкций находится в фокусе многих социолингвистических, лингвокультурологических и лексикографических работ.

Сбор, описание и исследование подобных языковых конструкций дают возможность исследовать национальный язык в русскоязычной периодике. В области региональной лексики присутствуют заимствования из национальных языков, что является следствием поликультурности и полилингвистичности региона. Изучение поликультурности через призму языка и языкового сознания дает возможность выявить культурно-языковые варианты в речевом поведении жителей региона.

Литература:

1. Апажев М.Л., Коков Дж. Н. Кабардино-черкесско-русский словарь: Около 27000 слов / Под научной редакцией доктора филологических наук Б.Ч. Бижоева. Нальчик: Эльбрус, 2008. — 704 с.
2. Акачиева С.М., Алиева Т.К., Байрамукова З.Х., Батчаев А.-М.Х., Хаджилаев Х.-М.И. Русско-карачаево-балкарский словарь-разговорник

- Черкесск: Карачаево-Черкесское отд. Ставропольского книжного изд-ва, 1990. — 221 с.
3. Былинский К. И. Язык газеты. — М., 1997. — 164 с.
 4. Коньков В. И. Речевая структура газетного текста. — М., 1997.
 5. Лазарева Э. А. Заголовок в газете. — Свердловск, 1989.
 6. Кривенко Б. В. Язык массовой коммуникации: лексико-семиотический аспект. — Воронеж, 1993. — 74 с.
 7. Солганик Г. Я. Что такое «язык газеты»? // Русская речь. — 1982. — № 4.

Фразеосемантическое поле «радость» в английском языке

Крючкова Юлия Михайловна, студент

Тобольская государственная социально-педагогическая академия
имени Д. И. Менделеева

Данная статья посвящена изучению семантико-грамматических свойств фразеологизмов английского языка фразеосемантического поля «радость» по классификации А. М. Чепасовой.

Ключевые слова: Фразеологическая единица, фразеосемантическое поле, эмоция.

Современное языкознание характеризует рост интереса к изучению внутреннего мира человека. Внутренний мир человека является сложным и интересным объектом исследования, описание которого отражает опыт самопознания многих поколений на протяжении огромного временного промежутка.

Еще в начале XIX века В. фон Гумбольдт отметил, что язык как деятельность человека пронизан чувствами. В настоящее время лингвистика вновь обратилась к его учению, призывавшему изучать язык в тесной связи с человеком.

Все мы постоянно испытываем различные эмоции: радость, грусть, печаль и т. д. Эмоции помогают нам лучше понимать друг друга. Люди, принадлежащие к различным нациям, способны безошибочно воспринимать выражения человеческого лица.

Эмоции — особый класс психических процессов и состояний, связанных с инстинктами, потребностями и мотивами, отражающих в форме непосредственного переживания (удовлетворения, радости, страха и т.д.); значимость действующих на индивида явлений и ситуаций для осуществления его жизнедеятельности. Сопровождая практически любые проявления активности субъекта, эмоции служат одним из главных механизмов внутренней регуляции психической деятельности и поведения, направленных на удовлетворение актуальных потребностей [Психологический словарь, 1996: 342].

Проблемой изучения эмоций занимались многие ученые, представляя разнообразные теории относительно сущности этого сложного феномена человеческой психики: В. Вундт (1984); Л. С. Выготский (1982, 1984); Е. И. Изотова (2004); А. Н. Леонтьев (2000); Д. Б. Линдслей (1987); К. Р. Роджерс (1984); С. Л. Рубинштейн (1989); В. П. Симонов (1997); О. Е. Филимонова (2001); П. М. Якобсон (1969); М. В. Арнольд (1967, 1969, 1970); R. Papiez (1937); R. Plutchik (1968); S. Tomkins (1970).

Фразеолологизмы выражают чувства и эмоции говорящего, его отношение к ситуации, поэтому мы рассматриваем фразеологию в тесной связи с эмоциями.

Природа значения фразеологической единицы тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. Фразеологическая единица — это устойчивое сочетание слов, которое характеризуется постоянным лексическим составом, грамматическим строением и известным носителям данного языка значением (в большинстве случаев — переносно-образным), не выводимым из значения составляющих фразеологическую единицу компонентов [Телия, 1966: 41]

Фразеологические единицы являются важным экспрессивным средством языка, одним из наиболее сильных средств воздействия на читателя — получателя информации, поэтому они играют весьма существенную роль в акте коммуникации. Обладая свойством массовой воспроизводимости, фразеологические единицы с удивительной меткостью выражают подчас сущность довольно сложных явлений, способствуют выразительности речевого высказывания в целом. По словам С. Б. Берлисона, «фразеологическая единица легко замещает конкретным образом сложные ряды мыслей» [Берлисон, 1941: 26].

«Фразеологическая единица — это устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением» [Кунин, 1972: 210].

В данной статье рассматривается фразеосемантическое поле «радость». Под фразеосемантическим полем понимается совокупность фразеологических единиц, которые находятся в определённых системных отношениях и объединяются общностью семантической темы и общностью выражения одного понятия.

Эмоция радости может быть следствием достижения творческого успеха, результатом уменьшения негативного аффекта, от упражнений улучшающих физические возможности, при узнавании чего-то знакомого связанного с приятными воспоминаниями, во время мечтаний или других форм воображения и познания. т.к. мы рассматриваем эмоции как результат когнитивных процессов, то будем отделять эмоцию радости от ее физиологической основы и радостью будем называть эмоцию, возникающую в результате удовлетворения некоторой личной потребности в широком смысле.

Очевидно, что при удовлетворении любой от самой примитивной до самой сложной потребности можно испытать радость. В последние десятилетия было проведено несколько эмпирических исследований позитивной эмоциональности как личностной черты, и результаты этих исследований подтвердили предположение о существовании индивидуальных различий в количестве и частоте переживания людьми позитивных эмоций. Было обнаружено, что способность к переживанию позитивных эмоций не подвержена изменениям на протяжении всей человеческой жизни.

Удовольствие-радость — положительное эмоциональное состояние, связанное с возможностью достаточно полно удовлетворить актуальную потребность, вероятность чего до этого момента была невелика или во всяком случае неопределенна [Изард, 1978: 90]. В словаре А.В. Кунина представлено 63 фразеологизма с данной эмоцией.

Фразеосемантическое поле «радость» формируется фразеологизмами пяти разных номинативных структурно-семантических классов (по классификации А.М. Чепасовой). Наиболее представлены процессуальные и предметные фразеологизмы, меньше — призначные, модальные и качественно-обстоятельственные.

Процессуальные фразеологизмы. Согласно нашему исследованию, данный класс составил 37%. Для детей радостный эмоциональный фон — скорее норма, а вот для взрослых, то есть для выросших детей, не всегда. А между тем и для взрослых и для детей радостный эмоциональный фон — это показатель душевного здоровья. Это — обязательная норма. К этому классу можно отнести такие фразеологизмы, как: *make good cheer* ‘пировать, весе-

литься', *cry content with* 'выражать радость', *give countenance to somebody* 'подбодрить кого-либо', *tickle to death* 'доставить огромное удовольствие, порадовать', *do one good* 'радовать', *have no end of a time* 'чудесно проводить время', *put a good face on something* 'принимать довольный, радостный вид', *lift up somebody's head* 'радовать кого-либо', *jump for joy* 'быть готовым скакать от радости', *have a good laugh* 'от души посмеяться'.

Предметные фразеологизмы. Из найденных нами фразеологизмов с компонентом «радость» данный класс составил 32%. *The abbot of misrule* 'глава рождественских увеселений', *beer and skittles* 'праздные развлечения', *gay bird* 'весельчак', *sakes and ale* 'веселье, удовольствие', *cheer the cockles of one's heart* 'радость сердца, порадовать кого-либо', *daft days* 'весёлые рождественские дни', *better days* 'лучшие дни, лучшая пора', *gay dog* 'весельчак', *sad dog* 'весельчак, шутник', *flash of merriment* 'вспышка веселья'. Радость обостряет восприимчивость к миру, позволяет нам восхищаться и наслаждаться им. Радостный человек видит мир в его красоте и гармонии, воспринимает людей в их лучших проявлениях. Он склонен скорее получать удовольствие от объекта, наслаждаться им, нежели анализировать и критически осмыслять его. Он воспринимает объект таким, каков он есть, не стремясь улучшить или изменить его.

Призначные фразеологизмы. Нами найдено 11% фразеологизмов данного класса с компонентом «радость». Известно, что радость часто сопровождается ощущением энергии и силы. Возможно, это ощущение нельзя назвать интегральной составляющей радостного переживания, но личный опыт и данные экспериментальных исследований говорят нам о том, что оно является существенной частью эмоции радости. Исследования выявили устойчивую положительную связь между показателями по шкале радости и показателями по шкале энергии. Ощущение энергии, сопровождающее радостное переживание, вызывает у человека чувство компетентности, уверенности в собственных силах. Данный класс представлен немногочисленно. *All over oneself* 'очень доволен, рад-радешенек', *it's good fun* 'это очень забавно, весело', *ready to leap out of one's skin* 'вне себя от радости', *merry as a cricket* 'очень весёлый, рад — радёшенек', *feel one's oats* 'быть весёлым, оживлённым', *pleased as Punch* 'очень доволен, рад-радёшенек'.

Модальные фразеологизмы. Данный класс представлен в таком же количестве, как и предыдущий и составляет 11%. *Carry me out* 'ей-ей умру от смеха!', *a pretty go!* 'весёленькая история', *home was never like this* 'чертовски весело!', *what a lark!* 'как весело!', *enough to make a cat laugh* 'ужасно

смешно!», *lick all creation* 'это очень забавно! вот умора!' *well met!* 'очень рад вашей встрече!'. Уверенность и личная значимость, приобретаемые в радости, дают человеку ощущение способности преодолеть трудности и наслаждаться жизнью. Радость сопровождается кратковременной самоудовлетворением, удовлетворенностью окружением и всем миром. С точки зрения этих характеристик легко понять, что пока в мире существуют проблемы, события, которые обуславливают стресс и состояние неуверенности, люди не могут постоянно пребывать в состоянии радости.

Качественно-обстоятельные фразеологизмы. Данный класс представлен в малом количестве 7% фразеологических единиц. Например: *For better for worse* 'на горе и радость', *delirious with delight* 'вне себя от радости' *in the seventh heaven* 'на седьмом небе' *with good cheer* 'радостно, охотно'.

Таким образом, удалось выяснить, что в английском языке доминируют процессуальные фразеологизмы фразеосемантического поля «радость», которые обозначают любые действия, состояния, изменения как процесс. Фразеологизмы названного типа могут обозначать физическое, эмоциональное, нравственное и другое состояние человека. Значение этих фразеологических единиц передается глаголом или глагольным сочетанием.

Последние разработки могут значительно облегчить эмпирическое изучение эмоции удовольствия–радости. По крайней мере, одна из методик, разработанных для изучения темперамента у новорожденных детей, включает в себя такой параметр, как предрасположенность к улыбке и смеху, есть также методы для объективного измерения улыбки у новорожденных и маленьких детей [Изард, 2000: 164]. Результаты отдельных исследований с применением этих методов позволяют предположить, что способы выражения радости у младенцев относительно постоянны. Однако было бы преждевременно интерпретировать эти данные как аргумент в пользу утверждения, что уже в раннем развитии индивида радость выступает в качестве индивидуальной черты.

Литература:

1. Берлизон С. Б. Специфика семантики фразеологических единиц и роль структурных компонентов в ее определении // семантическая структура слова и фразеологизма: [Сб.] — Рязань, 1980. — 231 с.
2. Изард К. Психология эмоций. — СПб.: Питер, 2000. — 464 с

3. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка. — М.: Международные отношения, 1972. — 287 с.
4. Телия В. Н. Что такое фразеология. — М.: Наука, 1966.
5. Чепасова, А. М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов. — Челябинск, 1983. — 90 с.
6. Большой психологический словарь. Под ред. Мещерякова Б. Г., Зинченко В. П. М.: Прайм-Еврознак, 2003—672 с.
7. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. — М.: Русский язык, 1955. — 1455 с.

Речевые особенности жанра интервью (на примере анализа интервью с министром образования Германии Йоганной Ванкой)

Никифорова Ольга Олеговна, аспирант
Самарская государственная академия культуры и искусств

В статье рассматриваются особенности жанра газетного интервью, определяется его структура. С помощью метода интенционального анализа выявляются намерения интервьюируемого, анализируются речевые стратегии, используемые для достижения цели.

Ключевые слова: *речевой жанр, функциональный стиль, интервью, речевые стратегии.*

Вданной статье мы определим особенности жанра газетного интервью, выявим приемы, используемые политиком для самопрезентации и влияния на адресата. Материалом послужил текст интервью с новым министром образования Йоганной Ванкой (Johanna Wanka) на тему Федерального закона о содействии образованию (Vafölg).

Прежде всего, обратимся к понятию «речевой жанр». По мнению М. П. Брандес, речевой жанр представляет собой *идеальную схему* протекания коммуникативно-речевого акта, это «динамическая структурная модель, которая может воплощаться в некотором множестве конкретных речевых произведений» [2, с. 57]. Каждый речевой жанр дан всегда в определенном социально-культурном контексте — в научном, политическом, адми-

нистративном, художественном и т. д. Такие социально-культурные контексты называются в стилистике *функциональными стилями*. Функциональные стили являются средой существования речевого жанра [2, с. 140].

Любой речевой жанр обладает определенным языковым стилем. Языковой стиль субъективен и возникает в процессе взаимодействия человека с языком. «Естественный язык уникален как социальный продукт. Языковое творчество всегда происходит в контексте общественной жизни, которая для каждого народа всегда связана с конкретно-историческими условиями» [2, с. 27]. Таким образом, языковой стиль тесно связан с коммуникативной личностью, а также с теми социально-историческими условиями, в которых эта личность развивается.

Рассмотрим особенности жанра интервью. Любое интервью предполагает разговор с какой-либо известной личностью. В словаре иностранных слов Дудена одно из определений интервью звучит так: Разговор в большинстве случаев с известной личностью на определенную тему либо о личности интервьюируемого, которое транслируется по радио или телевидению или печатается в прессе [4, с. 487].

Интервью представляет собой диалог или полилог, в зависимости от того, сколько лиц в нем участвует. А значит, обладает признаками диалога. М.П. Брандес дает такое определение диалога: «Диалог — это специфическая форма речи, которая происходит при непосредственном обмене высказываниями собеседников. Содержательная сторона диалога расчленена между собеседниками и одновременно объединена предметом разговора» [2, с. 121].

Средой существования жанра интервью является газетно-публицистический стиль, журнальный подстиль. Газетно-публицистический стиль охватывает массовые популярные политические тексты, воздействующие на актуальные общественно-политические процессы оперативным документальным отображением, основанным на их идейно-политическом осмыслении и эмоционально выраженной оценке [2, с. 194]. Таким образом, утверждается, что газетно-публицистический стиль и, соответственно, журнализм, обусловлены существующей политической обстановкой.

Йозеф Курц с соавторами считают ошибочным мнение о том, что основной задачей журнализма является политическая. Журналист, на их взгляд, является посредником между всеми элементами общества: экономикой и культурой, экономикой и наукой, культурой и наукой и т. д. Второй ошибкой они считают, что задача журналиста зависит от политической обстановки, режима: демократического, авторитарного, фашистского и т. д. Профессио-

нальная задача журналистов остается вне зависимости от общественно-политических, экономических, культурных условий [5, с. 11–12]. Мы позволим себе не согласиться с данным мнением. На наш взгляд, деятельность журналистов зависит от политического режима. Если в стране демократия, то журналист может позволить себе свободно выражать свое мнение по поводу различных политических вопросов или в отношении какого-либо политического деятеля. При авторитарном режиме свобода прессы ограничивается со стороны государства. Кроме того, Йозеф Курц утверждает, что политическая задача журнализма не является основной. Газетно-журнальная публицистика является составной частью средств массовой информации, а одной из основных задач СМИ является формирование общественного мнения по различным политическим вопросам. Следовательно, эта задача характерна и для журналистов.

Нужно также обратить внимание на газету, статьи из которой анализируются, — это *Süddeutsche Zeitung* (Южно-немецкая газета). Это одна из самых крупных надрегиональных газет, издается в Мюнхене с 1945 г., с тех пор, как американские оккупационные власти присвоили ей лицензию «важной, формирующей общественное мнение» газеты. Большое внимание здесь уделяется именно политическим вопросам [6].

Интервью имеет определенную композицию и обычно состоит из трех частей: заголовок, вступительная статья, основной текст интервью. Заголовок используется для привлечения внимания и интереса читателя, поэтому часто заголовок является ярким и образным. М.П. Брандес выделяет несколько функций заголовка: номинативную, информативную, экспрессивно-апеллятивную, рекламную, разделительную [2, с. 197]. Исследуемое нами интервью с Йоганной Ванкой называется «*Bildung und Forschung gehören zusammen*» («Образование и исследования составляют одно целое»). В данном случае заголовок несет информативную функцию, читатель уже ориентирован, что речь пойдет об образовании и исследованиях. Авторы интервью взяли в качестве заголовка первую фразу ответа Ванки на провокационный вопрос: не следует ли переименовать ее должность из министра образования (*Bildungsministerin*) в министра по исследованиям (*Forschungsministerin*), т. к. на школьное образование она не имеет никакого влияния, а университеты может только частично финансировать. По мнению Мартина Гера и Йозефа Курца, провокационные вопросы необходимы для того, чтобы компрометировать интервьюируемого на высказывание оценки, мнения по какому-либо вопросу [5, с. 203]. В этом интервью используется множество компрометирующих вопросов, в связи с чем,

Ванка должна высказывать свое мнение в отношении других партий, ее предшественницы и ее образовательной политики.

Далее идет вступительная статья. Здесь указываются тематические аспекты интервью, которые полностью не раскрываются, чем устанавливается интерес и любопытство читателя. Одновременно здесь указываются основные факты, касающиеся личности и дела для того, чтобы обеспечить понимание темы [5, с. 207–208]. В анализируемой вступительной статье указывается личность, у которой берется интервью (Johanna Wanka) и тема беседы (поддержка университетов и финансирование обучения студентов). Для привлечения внимания читателей приводится дальнейшая реплика Ванки: *Das BAföG müsse heutigen Realitäten angepasst werden* (Федеральный закон о содействии образованию должен быть приспособлен к современной реальности). Здесь не указывается, как именно он должен быть приспособлен, какие нововведения ожидаются, что повышает любопытство заинтересованных читателей.

Основной текст интервью состоит из вопросов и ответов. Во время интервью журналист задает вопросы, которые определяют содержание, а также имеют психологическую направленность, в результате чего интервьюируемый высказывает свою точку зрения по определенному вопросу. В интервью могут быть представлены все виды речевых форм: сообщение, описание, отзыв, характеристика, доказательство и, в особенности, рассуждение. Это зависит от места, темы, стиля вопросов и от личности интервьюируемого [5, с. 200].

Прежде чем перейти к анализу самого интервью, рассмотрим личность интервьюируемой и тему интервью.

Йоганна Ванка (Johanna Wanka) — представительница Христианско-демократической партии Германии (CDU). С 14 февраля 2013 г. Ванка является министром образования и исследований. 3 марта 2013 г. дала свое первое большое интервью Южнонемецкой газете (*Süddeutsche Zeitung*) об изменениях, которые она хотела бы внести в Федеральный закон о содействии получению образования (*Bafög*). Интервью брали Johann Osel и Roland Preuß.

В 1971 г. был принят Федеральный закон о содействии образованию (*Bundesausbildungsförderungsgesetz, Bafög*), а также отменена плата за обучение в вузе, что упрощало доступ населения к высшему образованию. В настоящее время, как утверждает Ванка, помощь получают 29% студентов. В 2010 г. вносились изменения в данный закон, но размер помощи вырос всего на несколько евро.

При исследовании данного интервью мы использовали метод интент-анализа, позволяющий анализировать намерения автора, не только явные, но

и скрытые. Данный метод был предложен Н.Д. Павловой и И.А. Зачесовой, который они применяли при анализе предвыборного дискурса. По их мнению, интенциональная организация дискурса, устремления участников политического дискурса характеризуются 1. направленностью на себя (представление в выигрышном свете), 2. на политического противника (дискредитация), 3. на окружающую действительность (анализ) и 4. третью сторону (оказание воздействия) [3, с. 20]. Кроме того, использовался анализ речевых стратегий, применяемых политиком для достижения своих целей. Были выделены стратегия обещания, стратегия ухода от ответа, стратегия выдвижения на передний план положительных сторон, стратегия ссылки на авторитет, стратегия сближения с адресатом, стратегия возложения на себя ответственности за что-либо.

1. *Направленность на себя* проявляется в том, что Й. Ванка пытается представить себя в выигрышном свете с помощью позитивов, которые она стремится поставить себе в заслугу. Для этого приводится статистика, что уже сделано и что еще планируется сделать. На замечание о том, что многие дети из неблагополучных семей не оканчивают школу, она приводит цифры, что за последние годы этот процент сократился, что в настоящее время действует новая программа поддержки. В высшем образовании достигли «хорошего уровня». Кроме того, существующая дуальная система¹ является «привлекательной альтернативой» для студентов. Подчеркивается, что у студентов есть выбор: *Jede und jeder kann sich überlegen, welcher Weg am besten passt* (Каждая и каждый могут сами для себя решить, какой путь им лучше всего выбрать). Существует программа поддержки способных студентов, и количество стипендиатов возросло за последние годы до 11000. Кроме того, оказывается денежная поддержка государства и планируется выделять университетам больше денег. Здесь применяется *стратегия выдвижения на передний план положительных сторон*. Но на вопрос назвать конкретные цифры, Ванка использует *стратегию ухода от ответа*, ссылаясь на то, что федеральные земли тоже должны внести свой вклад.

Ванка не отрицает, что существуют и проблемы, которые нужно решать: достаточно многие студенты прерывают учебу (25%). Предлагается и вариант

¹ Дуальная система образования подразумевает теоретическое обучение в вузе (одна треть) и практическое обучение на предприятии (две трети). Оба учреждения являются независимыми партнерами.

решения проблемы: нужно улучшить связь между академическим и профессиональным образованием. Но в то же время, на вопрос, не стоит ли это применить прямо сейчас, особенно, на естественно-научных факультетах: на производстве не хватает инженеров, а студентов срезают на экзаменах с завышенными требованиями. Здесь Ванка *уходит от ответа*, ссылаясь на то, что университеты знают эту проблему и уже среагировали.

Используется *стратегия сближения с адресатом*: *Ich war selbst die Erste in meiner Familie, die studiert hat und weiß, dass die Lage vielfach als ungerecht empfunden wird (Я сама была первой в семье, кто получил высшее образование и знаю, что часто ощущается несправедливость)*. Подчеркивается, что она сама из народа и все испытала на себе, поэтому может понять и других.

2. *Направленность на противника* характеризуется дискредитацией проводимой им политики и его личных качеств. Политик стремится возбудить негативное отношение к «чужим». Стремление дистанцироваться от противника выражается в данном случае тем, что партия CDU (к которой принадлежит Ванка) хочет реформ в образовании, для которых нужно внести изменения в Основной закон (das Grundgesetz). Но красно-зеленая коалиция (Социал-демократическая партия Германии, SPD и партия Зеленых, die Grünen) их блокирует. Ванка пытается обосновать это тем, что коалиция просто не желает им победы на выборах. В лексическом плане это проявляется в употреблении экспрессивно-окрашенного устойчивого выражения «auf dem Tisch liegen»: «*Dafür benötigen wir eine Änderung des Grundgesetzes, die längst auf dem Tisch liegt*» (Для этого мы считаем необходимым, внести изменения в Основной закон, которые давно **лежат на столе**). Выражение «лежат на столе» означает, что все уже готово к реформам, но «чужие» эти реформы блокируют. Ванка неоднократно употребляет это выражение в интервью, что символизирует ее готовность к действиям.

3. В политическом дискурсе важную роль играет «интенциональная *направленность на действительность*. Представление фактов и событий окружающей жизни нацелено на фокусирование злободневных проблем, изменение или стабилизацию существующего положения». Политик анализирует, оценивает, прогнозирует ситуацию, обнаруживает эмоциональную включенность в происходящее [3, с. 24]. Направленность на окружающую действительность в данном интервью выражается в том, что, по мнению Ванки, Федеральный закон о содействии получению образования (BaFög) нужно пересмотреть, т. к. он в настоящее время не соответствует реальности. Закон

был принят больше сорока лет назад, но в настоящее время многое изменилось в среде студентов: студенчество часто совмещает учебу и работу или идет учиться позже, получив уже первый профессиональный опыт. Предлагаются конкретные изменения в законе: уменьшить возрастные ограничения и внести новые правила для работающих студентов. Конференция по этому вопросу планируется на апрель 2013 года.

4. «Третьей стороной», на которую оказывается воздействие, является адресат. По мнению М. М. Бахтина, адресат может быть непосредственным участником диалога, может быть дифференцированным коллективом специалистов какой-нибудь специальной области культурного общения, может быть более или менее дифференцированной публикой, народом, современниками, единомышленниками и т. д. [1]. Ванка занимает пост министра образования недавно и хочет произвести положительное впечатление на адресата. В данном случае речь интервьюируемой направлена не столько на собеседников, сколько на публику, читателей — студентов, заинтересованных в образовательных реформах, а также в личности нового министра образования. С другой стороны, важно произвести положительное впечатление на журналистов, которые берут интервью и впоследствии напишут комментарий, т. е. их точка зрения также оказывает большое влияние на читателей.

Ванка стремится показать, что она и адресат относятся к одной нации, имеют общие цели и задачи. В лексическом плане это выражается в том, что Й. Ванка использует местоимение *wir* (мы), *unser* (наш), говоря о Германии и о том, чего нужно добиться: *Wir wollen mit 1,2 Prozent der Weltbevölkerung unsere Rolle als viertgrößte Industrienation und unseren Wohlstand bewahren* (Мы, с 1,2% населения мира, хотим сохранить наше благосостояние и нашу роль в качестве четвертой по величине промышленной нации).

Для воздействия на адресата используется *семантический повтор*. Подчеркивается, что Германия должна занимать лидирующее положение: *unsere Rolle als viertgrößte Industrienation (наша роль в качестве четвертой по величине промышленной нации), an der Spitze der Industrienationen bleiben (оставаться на вершине промышленных стран), unsere Spitzenstellung halten (удерживать наше лидирующее положение)*. Говоря об этом. Ванка намекает, что с помощью ее нововведений страна может достичь лидирующего положения в мире, т. к. от уровня образования зависит уровень экономики в стране.

Воздействие на эмоциональное восприятие усиливается употреблением *метафоры*: *Insbesondere an den Hochschulen geht es um strategische*

Entscheidungen. Nehmen wir den Maschinenbau, das Rückgrat der deutschen Industrie: Wenn wir hier unsere Spitzenstellung halten wollen, dann muss der Bund das Fach an Hochschulen stärken können (В особенности в университетах речь идет о стратегических решениях. Возьмем машиностроение, костяк немецкой промышленности: если мы сегодня хотим сохранить лидирующее положение, тогда Союз должен усилить этот предмет в университетах).

Для того, чтобы адресат поверил в сказанное, используется стратегия возложения на себя ответственности за что-либо. Это проявляется в употреблении местоимений *ich* (я), *mir* (мне), *wir* (мы): *Deshalb ist mir wichtig, die Durchlässigkeit zwischen akademischer und beruflicher Bildung zu verbessern (Поэтому мне важно увеличить проницаемость между академическим и профессиональным образованием). Wir werden mehr Geld bereitstellen (Мы будем предоставлять больше денег).* Здесь стратегия возложения на себя ответственности пересекается со стратегией обещания.

С той же целью убеждения в достоверности сказанного используется стратегия ссылки на авторитет: *Die Kanzlerin hat klargestellt: Bildung und Forschung haben Priorität (Канцлер определила: Образование и исследования являются приоритетными направлениями).*

Что касается синтаксиса, то, как и для большинства интервью, здесь характерно употребление коротких предложений. Превалируют простые предложения и предложения со сложносочиненной связью с союзами «und» (и), «oder» (или) и «denn» (так как), что характерно для речевой формы рассуждения, обоснования своей точки зрения. Среди сложноподчиненных предложений часто встречаются придаточные определительные с союзами *der, die, das* (который, которая, которое), несущие уточняющую функцию. Для речевой формы «рассуждение» характерно также употребление придаточных уступительных с союзом «*obwohl*» (хотя); придаточных условия с союзами «*wenn... dann*» (если ... то), а также придаточных причины с союзом «*weil*» (потому что) и придаточных изъяснительных с союзами «*ob*» и «*dass*».

Встречаются предложения с нарушением рамочной конструкции немецкого предложения, что позволяет подчеркнуть какие-то важные моменты, обратиться на них внимание, а также придает речи разговорный оттенок: *Da kommt es entscheidend darauf an, wie gut die Menschen hier ausgebildet werden, gerade an Schulen und Hochschule (Здесь особенно важно то, насколько хорошо здесь люди образованы, а именно в школах и университетах).*

Что касается морфологии, то в данном интервью преобладают существительные и прилагательные, т. е. «номинативный стиль» речи (*der Nominalstil*) (*термин М. П. Брандес*), что является характерной чертой письменной речи. Это можно объяснить официальностью данного интервью.

В интервью обычно нет заключения, поэтому завершающий вопрос должен провоцировать к обобщению сказанного [5, с. 209]. В интервью с Ванкой завершающим послужило замечание о ее предшественнице Аннете Шаван (*Annette Schavan*) и о ее докторской научной работе (имелось ввиду обвинение в плагиате). Вопрос провокационный, но Ванка, не высказывая личного мнения о бывшем министре образования, рассказала о тех изменениях, которые планируется провести относительно защиты докторских диссертаций.

Завершается интервью фразой «*Die Themen liegen auf dem Tisch und sollten von der Wissenschaft angepackt werden*» (*Темы лежат на столе и должны быть взяты наукой*). Кроме выражения «лежат на столе», которое Ванка повторно использует в интервью, употребляется пассивная конструкция, где действующим лицом выступает «наука». Здесь мы наблюдаем *лицетворение* науки. С одной стороны это оказывает экспрессивное воздействие, с другой — Ванка *уходит от ответа*, кто конкретно этим будет заниматься и снимает с себя ответственность.

Итак, в нашей статье мы рассмотрели особенности жанра «интервью» и можем сделать следующие выводы:

Интервью имеет четкую структуру и состоит из следующих частей: заголовок, вступительная статья, основной текст интервью. Каждая из этих частей выполняет свою функцию: заголовок привлекает внимание читателя, вступительная статья знакомит с темой и действующими лицами, сам текст интервью предлагает подробную информацию по определенному вопросу.

Речь участников интервью характеризуется направленностью на себя, на политического противника, на окружающую действительность и на адресата. Направленность на себя проявляется в том, что политик пытается представить себя в выигрышном свете с помощью позитивов, которые стремится поставить себе в заслугу. Здесь применяются стратегии обещания, ухода от ответа, выдвижения на передний план положительных сторон, ссылки на авторитет, сближения с адресатом, возложения на себя ответственности за что-либо. Направленность на политического противника определяется стремлением возбудить к нему негативное отношение. Направленность на окружающую действительность проявляется в анализе существующих условий для чего-либо. Направленность на адресата характеризуется тем, что политик, учитывая цен-

ности адресата, обещает, прогнозирует, оказывает воздействие на адресата и пытается привлечь его на свою сторону.

Литература:

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. — М.: Русские словари, 1996. — Т.5: Работы 1940–1960-х гг. — с. 159–206. [Электронный ресурс]. URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (дата обращения: 14.06.2013).
2. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс (На материале немецкого языка). Учебник. 3-е изд. перераб. и доп. — М.: Прогресс-Традиция, ИНФРА-М, 2004. 416 с.
3. Дискурс в современном мире. Психологические исследования / под ред. Н. Д. Павловой и И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 368 с. (Труды Института психологии РАН).
4. Duden. Das Fremdwörterbuch. 10. aktualisierte Auflage. Der Duden in zwölf Bänden — Band 5. Hrsg. von Matthias Wermke. — Mannheim, Zürich: Dudenverlag, 2010. — 1105 S.
5. Kurz J., Müller D., Pötschke J., Pöttker H., Gehr M. Stilistik für Journalisten. 2. erweiterte und überarbeitete Auflage. — Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2010. — 370 S.
6. Süddeutsche Zeitung [Электронный ресурс]. URL: http://de.wikipedia.org/wiki/S%C3%BCddeutsche_Zeitung (дата обращения: 15.06.2013).
7. Bildung und Forschung gehören zusammen. Interview mit Johanna Wanka von Johann Osel und Roland Preuß. 3. März 2013 // Süddeutsche Zeitung [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Interview/2013/03/2013-03-15-wanka-sz.html> (дата обращения: 12.06.2013).

Функциональная классификация повторной номинации

Плотникова Анна Владимировна, аспирант

Алтайская государственная педагогическая академия (г. Барнаул)

Повтор принадлежит к числу наиболее древних приемов выразительности речи. Он незаметно воздействует на подсознание, является одним из наиболее действенных средств языкового манипулирования [9, с. 85].

Почти все исследователи осознают повтор как называние уже известного, но в таком случае непонятно выделение звуковых, антонимических и других повторов. Поэтому следует дать четкое определение этому термину. Под повтором, вслед за В.Г. Гаком, понимаем текстообразующий прием, основанный на сознательном двукратном, а иногда и многократном формальном или семантическом воспроизведении одних и тех же, подобных или противоположных языковых единиц в той же или измененной последовательности в условиях достаточной тесноты ряда, чтобы их можно было заметить [4].

Для установления повторов следует принимать во внимание следующие признаки: сходная или противоположная выраженность или смысловая наполненность, функционально-грамматическое подобие, синтаксически идентичное расположение повторяющихся компонентов.

Повтор используется в фонетике, лексике, морфологии и синтаксисе. Исследования позволяют говорить о повторах слов, сем, фонем, отдельных морфем, целых лексических блоков, фраз, тем. Хотя между повторами разных уровней языка прослеживается тесная взаимосвязь, принято признавать повторы по уровням языка, поэтому мы не можем не согласиться с позицией А.И. Моисеева, утверждающего, что повторы звуков, слогов и морфем относятся к лексическому уровню [7, с. 11].

Огромный смысловой, эмоциональный потенциал скрывается в словообразовательном повторе, который используется для усиления значения, для сатирического изображения, для сознательного обнажения строения слова, для показа предельной эмоциональной насыщенности. Словообразовательный повтор, взаимодействуя с лексическим, служит одним из средств создания связности. Но необходимо уточнить понятия «словообразовательный повтор» и «деривационный повтор». Под словообразовательным повтором мы будем понимать повтор различных компонентов слова: приставок, корней, суффиксов, частей сложного слова и т. д. К деривационному отнесем лишь по-

вторение корней, основ или частей сложного слова, т.к. именно они несут в себе основную смысловую нагрузку слова. При словообразовательном повторе звукопись будет выступать уже как вторичное явление [12]. Деривационный повтор, имея одинаковую корневую часть, будет обладать тождественным, подобным или противоположным наполнением, вследствие этого будет отнесен нами к лексическим.

Между словообразовательными и лексическими повторами находится репликация-удвоение (еле-еле, думали-думали).

Лексический повтор — это прием в пределах диалогического единства, состоящий в неоднократном повторении одной и той же лексико-синтаксической единицы с определенной структурно-художественной функцией [6, с. 39].

Повторяться может целая строка в начале и конце стихотворения; структурирующая, текстообразующая функция повтора здесь накладывается на смыслопорождающую и экспрессивную: такой повтор концентрирует смысл, остальной текст его расширяет [10, с. 19].

Повтор на уровне предложения подробно рассматривает В.Г. Гак, выделяя отношения тождества (предложение повторяется полностью для выражения различных эмоционально-экспрессивных значений); включения (суждение или расширение для актуализации внимания на оценку события или отношения говорящего к нему); перекрещивания (частичное перекрытие для выражения причинно-следственных связей, смежности); соподчиненности (раскрытие отдельных проявлений общего качества, свойства, события для усиления воздействия на слушателя или читателя) [4].

Среди различных видов повторной номинации все же особое место отводится лексическому повтору, который чаще выполняет экспрессивно-выделительную функцию, а не структурную [5].

Лексический повтор — это способ экспрессивного выделения, подчеркивания ключевых слов, фиксации внимания, прием яркого градационного эффекта. Он актуализирует те образы и мотивы, в которых заключено идейное содержание произведения в целом [3, с. 31]. Повторная номинация приобретает значение интенсивности признака.

Таким образом, за лексический повтор принимаем функционально обусловленное (намеренное) тождественное или противоположное воспроизведение употребленного в тексте слова или конструкции, которое связывает текст в единое целое и служит средством расширения смыслового, эмоционального и интонационного пространства текста.

Повторяться могут не только знаменательные части речи, но и служебные. Чередование повторов различных слов создает своеобразную сеть переплетений и фиксирует внимание читателя.

Использование лексических повторов в синтаксисе (чаще в диалоге) имеет своей целью выразить положительную или отрицательную реакцию, подхватить и продолжить предшествующую реплику, уточниться, перебить говорящего, чтобы продолжить фразу по-своему.

Всякая повторная номинация служит средством обеспечения связности, т. е. повтор выполняет прежде всего текстообразующую функцию: скрепляет текст как целое — композиционная оформленность выступает в качестве критерия отграничения текста от цепочки предложений [8], повторы «тематически и грамматически связывают компоненты высказываний, межфразовых единств» [2, с. 56]. Однако функцию связи компонентов лексические повторы выполняют редко.

Повтор постоянно возвращает нас назад и заставляет сравнивать, сопоставлять повторяющиеся элементы. Но связывая в предложении данную реплику с предыдущей, наполняя последнюю новыми смыслами и скрепляя части высказывания, повтор открывает перспективу для продолжения, расширения информативности художественного текста. «Повторяющиеся слова и значения или семы, т. е. компоненты значений несут главную художественную информацию, поддерживаются разными типами выдвигания, являются ключевыми и образуют тематическую сетку» [1, с. 7].

Повтор — это испытанный временем и употреблением способ экспрессивного выделения, он создает условия для возникновения индивидуально-авторских значений, усиливает эмоциональное воздействие текста. Кроме того, играет интонационно-ритмическую роль: обуславливая мелодику поэтического текста, он создает особый ритм, формирует замедленную, плавную интонацию, способствует интонационно-смысловому выделению и ритмо-мелодической организации участков текста [5].

Повтор имеет эмоционально-экспрессивное значение: является средством межфразовой связи, поддерживающим текстообразующую функцию, т. к. повторенное слово всегда экспрессивно сильнее предыдущего, создает эффект градации, эмоционального нагнетания [11, с. 39].

Таким образом, использование повторной номинации в художественном тексте вызвано различными причинами, т. к. повторы выполняют следующие функции:

1) текстообразующую, или композиционную, строевую, связочную, структурную. В данном случае повтор не только участвует в создании внутритекстовых связей, но и осуществляет межтекстовые связи внутри цикла, между произведениями одного или разных сторон.

2) смыслообразующую, или семантическую, изобразительную, которая предоставляет автору возможность выбора номинации. В этой функции часто выступают перифразы. Необходимость избежать однообразия и монотонности приводит автора к использованию повторной номинации. При помощи которой можно внести необходимые уточнения. Повтор выделяет, подчеркивает важное для высказывания слово, акцентирует на нем внимание.

3) интонационно-ритмическую: замедляя или убыстряя ритм повествования, повторная номинация имитирует интонации устного, разговорного или книжного, ораторского, публицистического общения.

4) эмоционально-экспрессивную, или экспрессивно-стилистическую, усилительно-выделительную, которая зависит от лексического значения повторяющихся единиц и создает различные стилистические эффекты.

Исходя из этого, повтор — свойство и поэтических, и прозаических текстов — текстообразующий прием, основанный на сознательном двукратном, а иногда и многократном воспроизведении одних и тех же или подобных языковых единиц в той же или измененной последовательности в условиях достаточной тесноты ряда, чтобы их можно было заметить.

Обобщающий термин «повторная номинация» не отграничивается от термина «лексический повтор», функционально обусловленным тождественным или противоположным воспроизведением употребленного в тексте слова, которое связывает текст в единое целое и служит средством расширения смыслового, эмоционального и интонационного пространства текста.

Повторяющиеся слова являются важнейшим структурным средством организации текста, а конкретное семантическое и эмоциональное наполнение, особая интонация — важнейшим стилистическим средством, реализующим индивидуально-авторские особенности.

Литература:

1. Арнольд И. В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста / И. В. Арнольд // Текст как объект комплексного анализа в вузе: сб. ст. / Ленинград. Гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. — Л., 1984. — с. 3—11.
2. Валгина Н. С. Теория текста. — М.: Логос, 2004. — 280 с.

3. Воронина О. Г. Лингвистические и эстетический аспекты анализа текста и речи: сб.ст. Всерос (с междунар. участием) науч. конф., 20–22 февр, 2002г, Соликам. гос. пед. ин-т. — Соликамск, 2002. — Т. 2. — с. 311–317.
4. Гак В. Г. Повторная номинация, ее структурно-организующие и стилистические функции в тексте / В. Г. Гак // Лингвистические и методические проблемы преподавания русского языка как неродного: сб.ст. — М. 1987, — с. 24–33.
5. Иванчикова Е. А. Лексический повтор как экспрессивный прием синтаксического распространения / Е. И. Иванчикова // Мысли о современном русском языке: сб.ст. / под ред. А. А. Виноградова; сост. А. Н. Кожин. — М., 1969. — с. 126–139.
6. Ким Г. В. О повторах как способе интонационно-смыслового выделения в контексте пьес А. П. Чехова / Г. В. Ким // Слово в художественной речи: сб. науч. тр. / науч. ред. Х. М. Сайкиев. — Алма-Ата, 1986. — с. 38–45.
7. Моисеев А. И. Повторная номинация в «Борисе Годунове» / А. И. Моисеев // Русская речь. — 1995. — № 3. — с. 10–13.
8. Москальская О. И. Грамматика текста / О. И. Москальская. — М.: Высш. шк., 1981. — 183 с.
9. Москвин В. П. Типология повторов как стилистической фигуры / В. П. Москвин // Русский язык в школе. — 2000. — № 5. — с. 81–85.
10. Никишов Ю. М. Лирика: поэтика и типология композиции / Ю. М. Никишов. — Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1990. — 87 с.
11. Холшевников В. Е. Анализ композиции лирического стихотворения / В. Е. Холшевников // Анализ одного стихотворения: межвуз. сб. / ЛГУ им. А. А. Жданова; под ред. В. Е. Холшевникова. — Л., 1985. — с. 5–49.
12. Черкасова Л. П. Наблюдения над экспрессивной функцией морфемы в поэтическом языке (на материале М. Цветаевой) / Л. П. Черкасова // Развитие современного русского языка, 1972: словообразование, членность слова / АН СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. Е. А. Земская. — М. — 1975. — с. 141–151.

6. МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Типология вставных конструкций в современных СМИ

Слонова Рита Эдуардовна, магистрант
Кабардино-Балкарский государственный университет (г. Нальчик)

В статье рассмотрены синтаксические конструкции в печатных СМИ, отмеченные наличием восклицательных и вопросительных знаков в качестве вставных конструкций.

Средства массовой информации являются одним из важнейших инструментов, оказывающих влияние не только на формирование взглядов, представлений общества, но и норм поведения как отдельной личности, так и целого общества.

Коренные изменения, происходившие в нашей стране на рубеже 80—90-х гг. XX века, повлекли за собой и изменения в сознании и самосознании членов общества. Возникло стремление выразить свое личностное начало, свое авторское «я». Язык стал более демократичным, больше экспрессивным, чем стандартным. Одним из средств актуализации личности автора является диалогизация монологического текста, что позволило усилить силу воздействия на читателя.

Главной стратегией современных СМИ является стратегия близости к адресату. А для того, чтобы быть близким к адресату, надо говорить с ним на одном языке. «Считается, что, если СМИ будут говорить на том же языке, что и большинство в современном обществе, использовать те же правила общения, что и в обиходно-бытовой сфере человека, тексты СМИ станут более понятными и доступными массовому адресату. С помощью средств разговорности создается впечатление живого устного общения, имеющего место в обиходной сфере коммуникации» [5, с. 28].

Несмотря на то, что основной задачей СМИ является передача информации, современные СМИ обычно дают свою интерпретацию событий. То есть определенными средствами языка пытаются представить свою точку зрения на те или иные события.

Все это обусловило проникновение разговорной речи в письменную. Благодаря этому, письменная речь в современном обществе более экспрессивна по сравнению с письменной речью советского периода. И эта экспрессия проявляется на всех уровнях языка. На синтаксическом уровне экспрессия создается посредством конструкций экспрессивного синтаксиса.

По определению Г.Е. Щербань, «конструкции экспрессивного синтаксиса — это стилистически маркированные построения письменной монологической речи, резко выделяющиеся на фоне нейтрального окружения, отмеченные повышенной расчлененностью синтагматической цепочки и обладающие коммуникативно — прагматическим характером» [6, с. 7].

Одним из самых распространенных и эффективных средств выражения экспрессии на синтаксическом уровне являются вставные конструкции. Вставные конструкции сообщают дополнительные сведения, ассоциативно связанные с содержанием или стилем основного предложения или какой-либо его части. Сведения, вложенные во вставные конструкции, автор выносит на второй план сообщения как сопутствующие раскрываемой мысли.

Структура ВК может быть представлена самыми разными синтаксическими единицами: от словоформы до фрагмента текста. В ходе анализа нам удалось выяснить, что чаще всего в печатных СМИ используются ВК, представленные словоформами, однородными членами предложения и простыми предложениями.

ВК, выраженные словоформами и однородными членами предложениями, чаще всего уточняют или дополняют информацию, сообщаемую в основном предложении:

В 1956 г. Советское правительство поручило академику И.Курчатову прочитать в Харуэлле (Англия) доклад «Термоядерные исследования в СССР» (АиФ, № 1, 1986).

Практически по всем вопросам повестки дня на съезде шла борьба двух направлений — большевистского (революционного) и меньшевистского (оппортунистического) (АиФ, № 3, 1988).

Молоко обладает В-подобными лектинами, и если его выпил носитель крови группы А, то в организме начинается процесс склеивания (агглютинации) клеток крови и лектинов с целью отторжения этого продукта (АиФ, № 17, 2002).

Продолжительность рабочей недели в промышленности сократилась по сравнению с серединой 50-х г. на 13%. Соответственно в отраслях с прерывным процессом производства (обрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве, строительстве) уменьшилось время работы активной части основных фондов — машин и оборудования, которые оказывают определяющее влияние на фондоотдачу (АиФ, № 2, 1986).

В условиях партизанской войны, отсутствия непосредственного боевого контакта с противником, в атмосфере недоверия или ненависти местного населения федеральные войска быстро «разлагаются» (деморализация, пьянство, мародерство) (АиФ, № 40, 2000).

Наряду со словоформами, однородными членами и простыми предложениями в качестве ВК в начале 90-х г. XX века наметилась тенденция к использованию восклицательного знака. С помощью таких ВК автор обращает наше внимание на то, что по его мнению является важным в данном контексте. В таких конструкциях содержится значение субъективной модальности.

По словам экспертов, Останкинская башня, как и Киевская, строилась с расчетом на 5 (!) теле- и 10 (!) радиоканалов (АиФ, № 36, 2000).

Губернатор умолчал о том, что переоборудование одного котла обходится примерно в миллиард (!) рублей (АиФ, № 17, 2002).

Сейчас россияне реально имеют в своем распоряжении средств на 7–10% меньше, чем в это же время 1994 (!) года (АиФ, № 32, 1996).

Тренер «Осера» господин Ги Ру работает с командой на протяжении уже тридцати пяти (!) лет (АиФ, № 32, 1996).

Специалисты немецкой фирмы, выигравшей конкурс на право развешивать в Третьяковке картины (!!!), через неделю приступят к монтажу этого полотна (АиФ, № 36, 1994).

«Петушок — золотой гребешок» «прилетел» на краснодарский склад школьного (!) питания «Русь» с уже истекшим сроком годности, что явствует из прибывшей с ним накладной (АиФ, № 36, 1994).

Чрезвычайно важно сохранить в ведущих вузах «уровень специалиста» по целому перечню профессий, для которого необходимо непрерывное (!) образование в течении 5,5–6 лет (АиФ, № 5, 2008).

Сердючку пытались обвинить в нарушении норм украинского языка (!) (АиФ, № 51, 2000).

Выезжающие за границу граждане могут перевозить с собой любые суммы без оформления таможенной декларации, бесплатно оформить международную телефонную карту и стать обладателем междуна-

родной страховки на сумму более 25 тысяч долларов всего за 12 долларов (!) (АиФ, № 29, 1998).

Кроме восклицательного знака, также получило распространение использование и восклицательных предложений, которые отличаются повышенной экспрессивной окраской:

Жизель — Лункина, манерой напоминая максимовскую Галатею, трогательно сыграла оба акта, а непосредственность гармоничного дуэта (большая редкость на нашей сцене!) вливала новое вино в старые меха. (АиФ, № 6, 1998).

Пьющих британских дебоширов нужно лечить (вылечили ведь от алкоголизма капитана английской сборной Тони Адамса!), а вот немецких фашиствующих молодчиков, едва не отправивших на тот свет французского полицейского, перевоспитывать, как нам кажется, поздно (АиФ, № 29, 1998).

Среди самых дорогих — «Феррари Энзо», машина, очень похожая на болиды ралли «Формулы-1», стоит запредельные 700 тыс. евро (рекорд!) (АиФ, № 42, 2002).

Уровень сельскохозяйственного производства в царской России был высочайшим (четверть всего товарного хлеба в мире!), но за счет того, что 83% населения были крестьянами, которые после реформы 1861 года стремительно разорялись. (АиФ, № 40, 2000).

ЖИЗНЬ сегодняшнего человека мало кому покажется небесной манной. Если ему удастся прожить 70 лет, это будет всего лишь 25 тысяч дней: 8 тысяч уйдет на сон, 1500 дней — на еду, 1000 дней — на транспорт (в год на дорогу человек тратит больше 500 часов — целый отпуск!). (АиФ, № 36, 2000).

Партнер Людмилы Гурченко, вполне современный молодой человек, популярный «гардемарин» Сергей Жигунов, переменяя по ходу увлекательного сюжета несколько подруг, за 5 минут до полуночи (действие фильма — ночь перед Рождеством, «роковой» сюжет для Гурченко!) все-таки именно к ней проникается неистовой страстью (АиФ, № 9, 1992).

В 1994 г. журнал «ИКС — пилот» предложил ребятам умную и азартную (но в меру!) игру «Аукцион», красочную модель романтического парусника «Эспаньола» из «Острова сокровищ», набор занимательных фокусов, объемный шар с почти настоящей гондолой и фигурками аэронавтов, макет таинственного замка с привидениями (АиФ, № 1, 1994).

Наши компании будут участвовать в разработке нефтегазовых месторождений, прокладке турбопроводов, ирригационных проектах (в их распоряжении целая пустыня Сахара!), а у РЖД есть неплохой шанс выиграть (АиФ, № 11, 2006).

Следует особо отметить тот факт, что в текстах современных СМИ очень редко используются вопросительные знаки или риторические вопросительные предложения в качестве ВК. Доказательством тому служит то обстоятельство, что нам удалось зафиксировать лишь несколько случаев употребления таких ВК:

Дело не в том, что нужна диктатура (а почему нет, если это диктатура закона?). И не в том, что кто-то жаждет крови. Просто должны быть порядок и справедливость! (АиФ, № 42, 2011г).

На это ушло несколько миллионов рублей: смена комплекта регистрационных знаков с уплатой всех необходимых пошлин и получением нового талона техосмотра (милиция же все делает по закону?) стоит почти тысячу рублей (АиФ, № 21, 2006.)

Итак, как видим, общественная и политическая обстановка в стране наложила свой отпечаток и на язык СМИ. Отличительной особенностью СМИ советского периода является строгость языка, не допускающая выражения каких-либо эмоций, чувств. СМИ этого периода старались передать сообщаемую информацию с максимальной точностью и достоверностью, что не допускало выражений мыслей автора статьи по поводу подаваемой информации.

Язык СМИ постсоветского периода отличается большей свободой в выражении и эмоций, и мыслей пишущего. Известная ограниченность газетной статьи и отсутствие возможности выразить все свое отношение к описываемому подталкивают пишущего использовать такие знаки, которые обращают наше внимание на тот фрагмент текста, который хотел выделить автор. Такими знаками и являются восклицательные и вопросительные знаки, обладающие повышенной экспрессивностью.

Литература:

1. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. — М., 1990.
2. Акимова Г. Н., Иванова Ю. Н. Вставные конструкции с экспрессивным значением в русском языке // Вестник ЛГУ. Сер. 2, 1990, вып. 3 (№ 16).

3. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. — М., 2001.
4. Гавриленко И. И. Информационно-смысловые функции вставных конструкций в научном стиле речи (на материале русского языка) // Диалог: материалы конференции. Протвино, 2003.
5. Кормилицына М. А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротиной. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. — Вып. 8.
6. Щербань Г. Е. Функционирование частиц в конструкциях экспрессивного синтаксиса. Дисс. на соискание уч. степени доктора филологических наук. Нальчик, 2002.
7. Щербань Г. Е. Частицы в конструкциях экспрессивного синтаксиса. СПб.: НИИХ СПбГУ, 2002.

7. ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Через русскую поэзию к миру

Жук Нина Васильевна, доцент;
Тугова Марина Карапетовна, доцент
Национально-исследовательский университет МЭИ,
Гуманитарно-прикладной институт (г. Москва)

В современном мире развития новейших технологий и средств массовой информации межкультурная и межъязыковая коммуникация поднимаются на новый уровень международного общения, направленного на сближение культур и установления более тесных контактов и отношений между людьми и народами. На современном этапе развития в условиях обострения криминальной ситуации и терроризма наиболее важно сохранить мир и воспитать духовную культуру, чему, прежде всего, способствует изучение литературного наследия различных народов.

Те духовные ценности, которыми богаты литературные произведения каждого народа, являются необходимой основой в воспитании нравственной личности современного общества. Поделиться этими сокровищами можно только при помощи перевода. Перевод как межъязыковая трансформация есть преобразование текста на одном языке в эквивалентный ему текст на другом языке. [2]

Рассматривая художественный перевод, как один из видов перевода, целесообразно особо выделить перевод поэтического текста, так как поэтические произведения имеют особую специфику, которая во многом затрудняет работу переводчика, и, возможно, поэтому бытует мнение, что поэтический текст переводить невозможно. Вероятнее всего, это мнение приверженцев буквального перевода, но, очевидно, при переводе именно поэтического текста буквальный перевод не может быть адекватным, поскольку не сможет передать художественные достоинства оригинала.

Поскольку, перевод это преобразование речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения, то процесс перевода непосредственно зависит от того, что в науке о знаковых системах — семиотике называется двусторонним характером знака. [4, с. 8–9; 5, с. 16–18]

Это значит, что любой знак характеризуется наличием двух сторон или, как их еще называют, планов: плана выражения или формы и плана содержания или значения. Язык, как известно, представляет собой специфическую знаковую систему, поэтому единицы языка также характеризуются двуплановостью, наличием как формы, так и значения. При этом решающую роль для перевода играет тот факт, что разные языки содержат единицы, различающиеся в плане выражения, то есть по форме, но совпадающие в плане содержания, то есть по значению.

Термин «план содержания» или «значение» следует понимать максимально широко, имея в виду все виды отношений, в которых находится знаковая (в данном случае, языковая) единица. При межъязыковом преобразовании (как и при всяком другом виде преобразований) неизбежны потери, то есть имеет место неполная передача значений, выражаемых текстом подлинника. Стало быть, текст перевода никогда не может быть полным и абсолютным эквивалентом текста подлинника; задача переводчика заключается в том, чтобы сделать эту эквивалентность как можно более полной.

Опираясь на теорию Комиссарова, можно выделить два вида моделей перевода: ситуативная модель перевода и трансформационно — семантическая модель.

Ситуативная (денотативная) модель перевода исходит из того, что содержание всех единиц языка отражает предметы, явления, которые обычно называются денотатами. Создаваемые с помощью языка сообщения содержат информацию о какой-то ситуации. Воспринимая текст оригинала, переводчик отождествляет составляющие этот текст единицы с известными ему языковыми единицами оригинала и, интерпретируя их значение в контексте, выясняет, какую ситуацию реальной действительности описывает оригинал. Процесс перевода, таким образом, осуществляется от текста оригинала к реальной действительности и от неё — к тексту перевода. Наиболее чётко ситуативная модель работает в следующих случаях: при переводе безэквивалентной лексики, когда описываемая в оригинале ситуация однозначно определяет выбор варианта перевода и когда понимание и перевод оригинала невозможно без выяснения тех сторон описываемой ситуации. Что же касается трансформа-

ционно — семантической модели перевода, она рассматривает процесс перевода как ряд преобразований. Трансформационно — семантическая модель ориентирована на существование непосредственной связи между структурами и лексическими единицами оригинала и перевода.

При переводе поэтического текста две эти модели должны использоваться переводчиком в неразрывной связи.

Рассматривая теорию А. И. Смирницкого о специфической знаковой системе языка, правомерно выделять не только знаки лексического аспекта, но также знаки грамматического, фонетического и контекстуального, подразумеваемая экстралингвистический момент.

Принимая во внимание теорию Л. С. Бархударова, о том, что для перевода существенной является эквивалентность значений не отдельных слов и даже не изолированных предложений, но всего переводимого текста (речевого произведения) в целом по отношению ко всему тексту перевода, вероятно, допустимо поставить под сомнение существование одного из, как принято считать, необходимых условий успешного перевода поэтического текста как выполнение перевода носителем языка, и следующие доводы могли бы служить подтверждением этой гипотезы.

Во-первых, со стремительно развивающимся прогрессом в области науки, культуры и политики появляются все более расширяющиеся возможности не только в рамках взаимопроникновения и взаимообогащения культур, но и в рамках более глубокого освоения всех аспектов, всех граней изучаемого языка или, как будем называть, языка перевода. В этой связи следует упомянуть, что язык, являясь живым, постоянно изменяется на различных уровнях — лексическом, фонетическом, грамматическом. Так в современном английском принято произносить наречие «часто» не только [oʃn], но и [oʃten], что, например уже раздвигает рамки перевода фонетического текста на английский язык. На грамматическом уровне можно привести пример употребления структур перфектного времени. Если ранее считалось, что глагол «понимать» (understand) не употребляется в упомянутой структуре, то сейчас носители языка могут задать вопрос: «Have you understood?» [Речь носителя языка, преподавателя на курсах повышения квалификации в Лондоне, St. Jiles College]. В условиях, же наложения американского английского на английский [упрощенное употребление языковых единиц можно наблюдать в молодежной среде. (Опыт общения студентов во время стажировок в колледже в Канаде) в процессе перевода поэтического текста, особенно современных авторов, появляются более широкие возможности. Нельзя в этой связи не упомянуть о способе слово-

сложения или словопроизводства, а именно сокращения, который существует в английском языке приблизительно с XIII века и получил особенную продуктивность в наше время. Сокращения является продуктивным способом словообразования и в современном русском языке, но в русском языке сложносокращенные слова, в основном, образуются путем сложения начальных частей или слогов слов, например МТС, ВУЗ, Комсомол, а в английском языке сокращение развито значительно сильнее, чем в русском. И каждый студент лингвистического ВУЗа знает, что по формальному признаку сокращения слов могут быть разбиты на три типа: аферезис, т. е. усечение начала слова — telephone — phone, синкопа — усечение середины слова: madam — ma'am, апокопа — усечение конца слова: advertisement — ad, etc. Очень многие сокращения обладают яркой стилистической окраской. Сложносокращенные слова, в которых первый элемент сокращается до одной буквы, например А — bomb, Н — bomb etc. получили широкое распространение в английском языке, особенно в газетной и военной лексике. Но, ведь, сокращения могут быть использованы русскоговорящими студентами на занятиях по переводу с русского языка на английский язык и поэтической лексики. Безусловно, поэтической речи свойственна высокоэмоциональная, торжественно — возвышенная лексика, которая создается архаизмами. Но современному поэтическому тексту свойственно упрощение, а для сохранения ритма и мелодики любого поэтического контекста необходимы и приемлемы разноплановые лексические единицы.

И, нельзя не согласиться, что конкретное распределение элементарных единиц смысла («сем» или «семантических компонентов») по отдельным словам, словосочетаниям и предложениям данного текста определяется многочисленными и сложными факторами и, как правило, не совпадает в тексте на ИЯ и тексте на ПЯ, но это, ни в коей мере не является нарушением принципа семантической эквивалентности текстов подлинника и перевода. [2]

Во-вторых, исходя из требования к тому, что автор перевода должен хорошо знать язык оригинала, особенности эпохи и окружающей действительности автора поэтического произведения, правомерно будет утверждать, что носитель языка оригинала более тонко чувствует и более четко представляет чувства, мысли, образы своего соотечественника. Неологизмы С. Есенина («сиреневая цветъ») или В. Высоцкого более понятны русскому человеку. Например, с точки зрения лексикологии перевести фразу из Есенинского стихотворения «Глухари» ...унесу я пьяную до утра в кусты, понятно, что «пьяная» имеет значение «besot»-«кружить голову», «сводить с ума», а оксюморон

«тоска веселая» в контексте стихотворения и в воображении С. Есенина, безусловно, это томление и жажда любви «yearn of love». В песне «Огней так много золотых» лирическую строчку «я от себя любовь таю...» можно ассоциировать с образом девушек в светлицах и привычных для Руси птиц в клетке.

Как рано он завел семью,	He married at an early age,
Печальная история —	It makes me feel upset and sad —
Я от себя любовь таю,	I keep my love like a bird in the cage
А от него тем более.	For him to never understand

Стилистический прием сравнения придает тексту лиричность и, наверное, более точно передает душевное состояние героини. Можно выявить множество соответствий на примере поэтических текстов представителей разных эпох и различных стилей. [6]

В-третьих, до тех пор, пока развивается язык, появляются новые языковые знаки и различные лексические и стилистические толкования слов, все новое в языке возникает в связи с изменениями экономического и социального строя, изменениями в производстве, культуре, науке, быту, вообще, в любой сфере человеческой деятельности. Так появляются лексические неологизмы, которые создаются по продуктивным словообразовательным моделям. Среди лексических неологизмов по словообразовательному признаку можно выделить слова, произведенные с помощью суффиксов, приставок, а также суффиксально — префиксальные, путем словосложения, например, *filmnik*, где *nik* является суффиксом, заимствованный из русского языка (Спутник), *fortyish*, *no* — *goodnik*, *unperson*, *masscult*. [3, с. 131–135]

Словообразование является главным средством обогащения словарного состава, однако, ни один язык никогда не обходился одними только собственными лексическими средствами. Заимствованные слова имеются во всех языках, а в английском их особенно много.

А. А. Потебня обращал внимание на творческий элемент в процессе заимствования. «Заимствовать — говорил он — значит брать для того, чтобы, может быть, внести в сокровищницу человеческой культуры больше, чем получаешь». Такой подход к вопросу о заимствованиях расширяет рамки деятельности переводчика, дает возможность его творческой работы со словом, а для перевода поэтического текста это наиболее актуально.

В-четвертых, общепризнано, что переводы Самуила Яковлевича Маршака — замечательного советского поэта, великолепного мастера перевода, человека высокой культуры и самых разнообразных интересов и знаний, являются шедевром переводческой деятельности и, то же время, представляют

собой совершенно самостоятельное творчество. Все живет и движется в его лирических строках. Иностранные стихи под пером Маршака обретают новую жизнь, жизнь в ином качестве — как русское стихотворение. Литературные критики отмечали несоответствие стиля переводчика стилю оригинала (то же с переводами А. М. Финкеля). Тем не менее, переводчиком передано не только основное содержание текста оригинала, выявлена основная мысль, но и эмоционально-стилистические оттенки текста оригинала, при помощи средств языка перевода. Значит, переводчику подвластно переводить текст с родного языка на иностранный.

На практических занятиях студентами нашего факультета предпринимаются первые шаги по переводу поэтического текста. Безусловно, заявлять о блестящих достижениях на первых этапах нельзя, но можно говорить о заинтересованности студентов в практической деятельности и должно отметить намечающиеся положительные тенденции.

В-пятых, необходимо обучать переводу поэтического текста, так как выявление переводческих методов, т. е. переводческих трансформаций ярче и нагляднее представлено на примере, именно, поэтического текста. Теорию, же, что переводчик поэтического текста должен быть поэтом, можно поставить под сомнение.

Можно, признать, что не только значение языковых единиц, но и весь язык как таковой существует в человеческом сознании, в мозгу человека и тем самым относится к числу явлений психических. Такая концепция (так называемый психологизм) была, как известно, широко распространена в языкознании XIX — начала XX века; ее разделяли такие крупные языковеды прошлого как А. А. Потебня, Г. Пауль, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. де Соссюр и другие. В наши дни эта точка зрения также находит себе сторонников. В связи с этим, следует принять во внимание особенности возрастной психологии именно молодежного возраста, когда молодые люди подвержены желанию и раскрывают свои возможности в стихосложении и, в этот период складывается благоприятный момент для обучения студентов лингвистических факультетов переводу поэтических текстов.

Литература:

1. И. В. Арнольд. Лексикология современного английского языка. М., изд-во «Флинта», изд-во «Наука», 2012, с. 188

2. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопрос общий и частной теории перевода) М., «Международные отношения», 1975.
3. Ж. А. Голикова Лексикология и фразеология современного английского языка. Практикум. Минск ООО «Новое знание». 2006, с. 131–135
4. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М. изд-во литература на иностранных языках, 1957, с. 8–9
5. Смирницкий А. И. Объективность существования языка. М. изд-во МГУ, 1954, с. 16–18
6. I. Zheleznova hhh///:ZhukN. V. Poetry. The peculiarities of translation. The Moscow Power Engineering Institute, M., 2011 el.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (II)

Международная научная конференция

г. Чита, июль 2013 г.

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *П.Я. Бурьянов*

Подписано в печать 24.07.2013. Формат 60x90 ¹/₁₆.

Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 5,21. Уч.-изд. л. 3,68. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Ваш полиграфический партнер»

127238, Москва, Ильменский пр-д, д. 1, стр. 6